
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 4 ЯНВАРЬ 1976

В оптической мастерской.

МОЛОДОСТЬ ТВОЯ, РАБОЧИЙ К

А. ЛЕПЕХИН, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

Учимся программировать.

Рядом с книгой.

от съезда

к съезду

ЛАСС

«Подготовить за пятилетие в профессионально-технических учебных заведениях не менее 9 млн. квалифицированных рабочих для всех отраслей народного хозяйства». Так было записано в Директивах XXIV съезда КПСС.

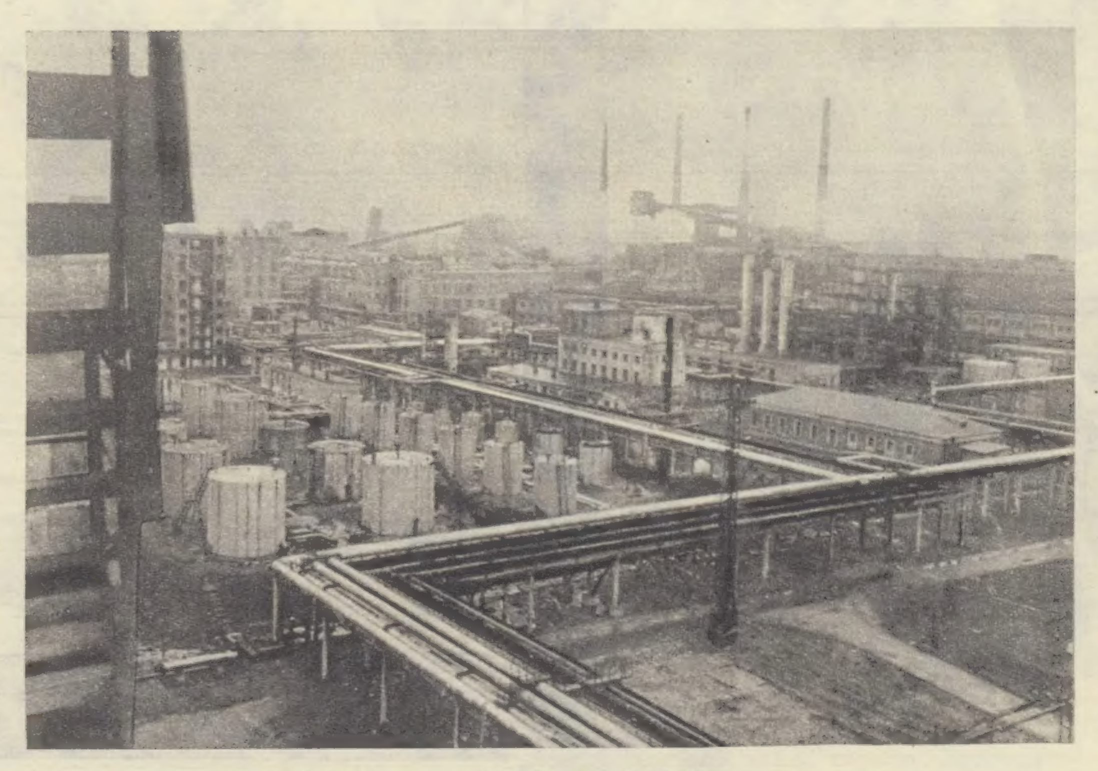
Задание партии выполнено и перевыполнено! Новые, еще более значительные рубежи намечены для ПТУ в проекте ЦК КПСС к XXV съезду партии. Об опыте ленинградцев в подготовке нового пополнения рабочего класса — публикуемый репортаж.

См. стр. 9.

СЛАНЕЦ МЕНЯЕТ ПРОФЕ

Проект ЦК КПСС к XXV съезду партии «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» предусматривает преимущественное развитие в Эстонии сланцехимической промышленности. Публикуемая статья председателя Госплана Эстонской ССР посвящена проблемам этой отрасли народного хозяйства республики.

**Густав ТЫНСПОЭГ,
председатель Госплана ЭССР**

Эстонские сланцы перерабатывают на комбинате имени В. И. Ленина.

Фото В. Сальмре.

Зажигаем лампу — стеклянная груша наливается солнечным светом: это горит сланец. Наливаем стакан молока — и в этом случае надо отдать должное сланцу: он дает ток для электромоторов доильных аппаратов на животноводческих фермах. Поблагодарить сланец следует и за свежий хлеб — обогатив своей золой кислотные почвы, он помог эстонским земледельцам увеличить урожайность зерновых. За новые дома и промышленные сооружения тоже надо благодарить сланец — Нарвский комбинат стройматериалов производит из его золы стеновые блоки. Для Эстонии сланец драгоценней самых драгоценных камней. Уже известные залежи составляют почти 8 миллиардов тонн, но есть еще и не исследованные запасы.

Люди старших поколений помнят, как сланец иногда показывался из-под земли, похожий на множество небольших камней, которыми всегда была усеяна территория Эстонии. Отличался он от серого известняка разве только светло-коричневым цветом да некаменной податливостью и мягкостью. И еще изумлял наших дедов и прадедов тем, что легко загорался, за что и окрестили его «пылевкиви», то есть горящий камень.

Долго был бесполезным этот горящий камень. Только топливный кризис в пору первой мировой войны заставил людей начать разрабатывать сланец. Буржуазное правительство Эстонии в 20-х и 30-х годах сдавало сланцевые разработки в концессию с выгодой не для своего народа, а для иностранных фирм. Лишь в годы послевоенных пятилеток, когда трудящиеся Эстонии сами стали хозяевами своей страны и ее недр, по-настоящему был поднят сланцевый пласт.

Он трудился на благо эстонского народного хозяйства, обретая разные «профессии». Был он сначала кочегаром — работал в топках, приводил в движение поезда, раскалял заводские печи, согревал квартиры. Потом стал маслом и мазутом. И, как мог, выручал людей, превращаясь в бензин и дорожное покрытие. Но, чтобы зря не перехваливать его, надо сказать: как бензин и асфальт он не всегда был хорош. И от таких своих обязанностей ему пришлось отойти и уступить дорогу более высокооктановым бензинам, более прочному асфальту из нефти — к этому времени она стала в достаточном количестве поступать в Эстонию из братских республик. А сланец поставлял газ для наших кухонь и заводских топок. Затем он стал энергетиком. И в этом своем качестве в годы восьмой и девятой пятилеток хорошо потрудился для народного хозяйства не только Эстонии, но и соседних республик: он как бы возвращал долг за то, что Ленинград помогал строить на Эстонском сланцевом месторождении завод и шахты, за то, что Москва и Украина давали оборудование, за то, что вся Советская страна помогала разбудить энергию и силу «горящего камня».

Наша республика совсем немного места занимает на карте Советского Союза, а сланцевый бассейн невелик даже на карте Эстонии. И все же здесь возник индустриальный заряд высокого накала, который определяет успехи экономики не только самой Эстонии, но и помогает развитию народного хозяйства прибалтийских республик и северо-западных областей страны.

В то же время пятилетки обогатили экономику северо-запада нефтью и газом. С Украины и Зауралья нефте- и газопроводы длиной в несколько тысяч километров дотянулись и до Эстонии, увеличив ее энергетические ресурсы. Но сланец продолжает вносить свою значимую долю в снабжение северо-запада электроэнергией.

В 1940 году в Эстонии было добыто 1,9 миллиона тонн сланца, в 1975-м — более 28 миллионов тонн: рост почти в пятнадцать раз! В агрегатах Прибалтийской и Эстонской ГРЭС он, измельченный в пылевидное топливо, становится электричеством.

В 1970 году эстонский сланец давал 11,4 миллиарда киловатт-часов. А в конце девятой пятилетки, в 1975-м, когда на полную мощность стала работать Эстонская ГРЭС,— 16 миллиардов 500 миллионов киловатт-часов. Эстония за эти годы стала республикой, богатой электричеством, и поделилась им с соседями — Латвией, Литвой, с соседними областями РСФСР.

Но посмотрим, как сама наша республика использует свои электрические ресурсы. В 1970 году она потребляла 4 миллиарда 500 миллионов, а в 1975-м — уже 6 миллиардов 700 миллионов киловатт-часов. Это большой успех. Ведь в основе роста производительности труда во всех отраслях народного хозяйства — будь то промышленность, земледелие, животноводство, вплоть до домашнего хозяйства — в той или иной мере лежит энерговооруженность. Теперь по энерговооруженности Эстония занимает одно из первых мест в Советском Союзе.

И вот десятая пятилетка. Какая роль отводится в ней сланцу? Он станет «квалифицированным химиком». Надо при этом отметить, что добыча его за годы десятой пятилетки увеличится незначительно. Но дело не в количестве, а в качестве — более эффективной станет переработка сланца.

Над этой проблемой основательно поработало Ленинградское отделение института «Теплоэлектропроект». На основе его проектов при Эстонской ГРЭС уже строится опытно-промышленная технологическая установка по термической переработке сланца с применением твердого теплоносителя. Что это значит? Сланец больше не будет сгорать в топках в виде пыли. Он станет топливным маслом и газом, при производстве которых получается значительное количество «попутных» продуктов. Отходы превратятся в ценнейшее сырье для производства многих химических продуктов.

При сгорании сланцевого масла в топках

ССИЮ

электростанций решается одна из сложнейших проблем «сланцевого электричества». Когда электростанции работают на пылевидном топливе, их котлы нуждаются в постоянном ремонте, очистке — эта сложная и дорогая процедура обходится ежегодно во много миллионов рублей. Таким образом, один лишь переход на жидкое сланцевое топливо даст большую экономию.

К новой и, я бы сказал, главной своей роли, химика, сланец начал готовиться давно. После войны усилиями Тартуского университета и Таллинского политехнического института сланцевая химия становится у нас одной из главных отраслей прикладной химии. Ее развитию посвятили свою деятельность такие ученые, как А. Аарна, О. Эйзен, С. Файнгольд, А. Фомина, М. Губергриц. С 1958 года в Эстонском сланцевом бассейне работает научно-исследовательский институт по переработке сланца. В результате научных исследований из сланца химическим способом получают смолы для производства клеев, шпалопропитку, средства для закупорки артезианских скважин.

Само собой разумеется, что производство синтетических смол, как сырья для дальнейшего получения пластмасс,— значительно более высокая ступень. В этом направлении и ведутся работы. В годы десятой пятилетки производство синтетических смол возрастет у нас в полтора раза. Будет расширено производство ароматических углеводородов — это тоже ценное сырье для получения химических продуктов. Значительно эффективнее использовать сланец — вот одна из главных проблем эстонской промышленности. В пору десятой пятилетки более эффективной станет и его добыча — будут закрыты три небольшие немеханизированные шахты, расширится прогрессивная, открытая добыча сланца в разрезе Октябрьский, где сейчас сооружается новая обогатительная фабрика. Этот качественный рывок позволит отказаться от тяжелого ручного труда.

Много перемен внесет в жизнь сланцевого бассейна десятая пятилетка. Здесь строится опытно-промышленная установка — прообраз будущих химических заводов, вырастет своеобразный научно-индустриальный центр, где будут трудиться рядом ученые и операторы высокой квалификации, где будут стираться грани между умственным и физическим трудом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2533)

24 ЯНВАРЯ 1976

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ

Так выглядит контролирующая система.

Фото М. Венгловского

КАЗАХСТАН

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЕР

Письменные задания, распоряжения, договоры, административные приказы... В любом учреждении, на предприятии или стройке подобных документов очень много, и контролировать своевременность их исполнения не так-то просто.

Сотрудники Научно-исследовательского института математики и механики Академии наук Казахской ССР поручили эту работу компьютеру, созданному ими на базе электронно-вычислительной машины «Минск-32». Каждый накопитель информации на магнитной ленте рассчитан на 25 тысяч документов.

...Наступил день, обозначенный на закодированном документе, и тут же автоматически печатается напоминание работнику, ответственному за исполнение. Если же это не подействовало, электронный контролер сигнализирует о задержке руководителю.

Как сообщил один из авторов системы, кандидат технических наук Евгений Александрович Пильщиков, электронный контролер имеет надежную защиту от потерь и искажений хранящейся информации.

В. ГАНЖА,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

УКРАИНА

ВЕЗДЕХОДЫ ОЛЕГА ОСТАПЕНКО

Олег Андреевич Остапенко работает старшим механиком в Виннице, в политехническом институте, а начинал он свою трудовую деятельность в участковой больнице таежного поселка Уоян. Теперь там прокладывается Байкало-Амурская магистраль.

В Сибири Олег видел, как нелегко людям работать в бескрайних лесах, где населенные пункты разделены подчас сотнями километров. И молодой медик мечтал о вездеходах, которым не страшны морозы, крутые горы, болота, непролазные лесные чащи.

По состоянию здоровья пришлось вернуться в Винницу. Там-то он и создал необычную машину, похожую на амфибию.

Машина легко преодолевает скалистые или заболоченные места, взбирается по крутым склонам, плавает в воде. Молодой изобретатель нашел оригинальное техническое решение колес: это прочные баллоны с круглыми шипами, позволяющими цепляться за неровности. В герметически закрытом салоне — прекрасный обзор, тепло, удобно. На боковом диванчике можно и отдохнуть.

Но для тайги нужен более компактный и более проходимый вид транспорта. И молодой конструктор принялся за новые поиски.

...Мы побывали на испытании его детища — мотолесохода, названного в честь забайкальского поселка «Уояном».

Если посмотреть издали — обыкновенный мотоцикл, но из заводского оборудования в нем использованы только мотор «Явы» и переднее колесо от мотороллера. Все остальное сделано в мастерской, по собственным чертежам. В мотолесоходе как нельзя лучше пригодились колеса — баллоны. Спаренные, они и сделали эту машину высокопроходимой и устойчивой.

Олег Остапенко со своим мотолесоходом.

Фото В. Демко

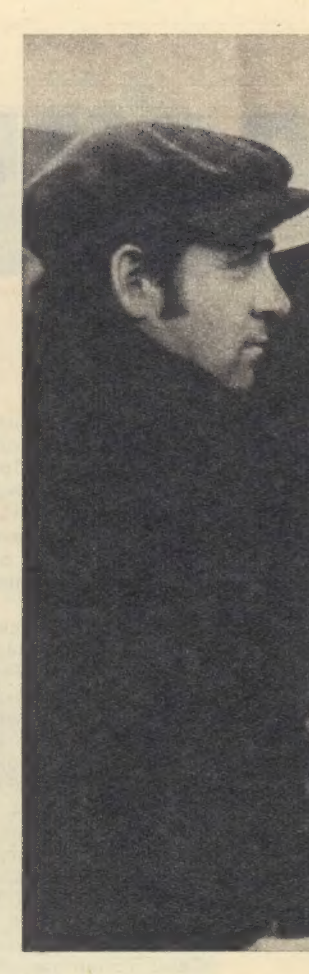
Любому охотнику, геологу, лесорубу, а строителю БАМа особенно, понравится такой мотоцикл. На нем можно преодолевать густой лес, нестись по шоссе со скоростью 70 километров в час, двигаться по крутым склонам, камням, снегу, песку. А весит машина менее сотни килограммов.

Хочется надеяться, что министерства, заинтересованные в таком вездеходе, обратят внимание на работу винницкого конструктора Олега Остапенко.

Л. ШАМИС

Бригадир кузнецов Н. Метелкин.

ГАРАН

Б. БУТЫРКИН,
заместитель председателя завкома Московского электромеханического завода имени Владимира Ильича

Нас, работающих на заводе имени Владимира Ильича, называют ильичевцами. Гордое, обязывающее звание! Ильичевцы не раз выступали инициаторами передовых методов труда и досрочного выполнения государственных заданий. В канун нового, 1976 года коллектив завода с гордостью воспринял Приветствие ЦК КПСС и Совета Министров СССР рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим нашего предприятия в связи с досрочным выполнением девятой пятилетки.

Наш завод вступил в десятую пятилетку в авангарде борцов за технический прогресс. Освоено производство новых серий электрических машин с улучшенными технико-экономическими характеристиками. Около половины изделий выпускается со Знаком качества. Можно сказать, что в течение всего предыдущего пятилетия мы, по сути, готовились к новой пятилетке — пятилетке эффективности и качества. Были осуществлены такие инженерно-технические мероприятия, которые обеспечивают на протяжении нескольких лет прирост продукции без увеличения численности работающих. А девятую пятилетку по росту производительности труда коллектив выполнил за три с половиной года.

Качество — коренная проблема развития советской экономики. Чем долговечнее и надежнее машины, приборы, тем эффективнее труд людей. Речь идет не только о качестве продукции, но и о качестве самого труда, самой работы. И тут рабочие, инженеры нашего завода добились значительных успехов. Поэтому естественно, что именно ильичевцы выступили инициаторами соревнования под девизом: «Пятилетке качества — рабочую гарантию».

«Рабочее слово», «рабочая честь», «рабочая гарантия» — все эти понятия говорят о надежности, об особой прочности и самого обещания и того изделия, машины, за которые берется мастер своего дела. Почин проявили три бригадира — коммунисты Н. В. Метелкин, И. Г. Амосов и Н. П. Кузнецов. Они возглавляют лучшие наши бригады кузнецов, токарей и слесарей-сборщиков. И в этом заключен особый смысл! Дело в том, что проблема качества — это проблема комплексная. И нельзя ее решать в отрыве от всего технологического процесса. Мало самому работать отлично, важно, чтобы отлично работали и твои смежники, те, кто «держит фронт» слева и справа. Например, кузнецы Н. В. Метелкина не один год работают с личным клеймом. Свое дело они делают хорошо, куют заготовки высокого качества. Но для этого нужно, чтобы и готовое изделие было столь же добротным, чтобы по всей цепочке технологического процесса люди работали так же совестливо, как кузнецы Метелкина. И вот сошлись в рукопожатии руки Н. В. Метелкина, И. Г. Амосова и Н. П. Кузнецова — они договорились не подводить друг друга. А что же может послужить гарантией такого союза, такого обязательства? Передовые бригадиры-ильичевцы отвечают: наша рабочая совесть, мастерство всех членов бригад, ударников коммунистического труда. Скажу прямо — надежная это гарантия! Есть хорошее русское слово — **порука.** Так вот порукой новых успехов ильичевцев служат честь и мастерство инициаторов нового движения. Кто же они?

Николай Васильевич Метелкин двадцать восемь лет работает кузнецом, а на нашем заводе он уже одиннадцать лет. Отличный мастер, награжден орденами Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. И если Николай Васильевич говорит «гарантирую», то ему можно верить. Технический контроль за таким мастером не нужен. Его опыт, его человеческая порядочность — вот лучший контроль.

Поковки, сработанные кузнецами Николая Васильевича, с опережением графика и с наименьшими припусками поступают в бригаду И. Г. Амосова. Рабочая репутация у Ивана Григорьевича безупречна. Он коммунист, на заводе — тридцать лет. Детали, выпускаемые его бригадой, всегда получают высшую оценку. Но ведь во многом успех токарей зависит от того, какими поступают поковки к

Московский электромеханический завод имени Владимира Ильича. Бригадир токарей И. Амосов (крайний справа) и бригадир сборщиков Н. Кузнецов (второй справа) беседуют с членами бригады Б. Петуховым, В. Семиным и Л. Семенченко.

Фото И. ГАВРИЛОВА

Т И Я

ним от кузнецов. Иван Григорьевич теперь говорит:

— Мы уже почувствовали, что поковки идут потоком, в срок, а главное — припуски наименьшие. Кузнецы делают все, чтобы мы трудились, не теряя времени на лишнюю обработку деталей. И сразу возросла производительность труда. Но особое внимание — качеству.

Так от взаимных претензий работники различных технологических звеньев перешли к взаимопомощи. Личное клеймо кузнеца или токаря — достаточная гарантия.

Детали от И. Г. Амосова идут на сборку, в бригаду Николая Петровича Кузнецова. Идут отныне в срок, и каждая — без малейшего отклонения от заданных технических характеристик. Сам Николай Петрович — ас сборки! Тут главная гарантия — его умение организовать труд слесарей-сборщиков. Ну и, конечно, доброе имя!

Готовность гарантировать качество изделий по всей технологической цепи родилась не вдруг и не случайно. И начальник отдела качества Юрий Александрович Смехов и начальник ОТК Валентин Петрович Чернявский могли бы подробно рассказать, как много лет у нас на заводе действует система бездефектного изготовления продукции и сдачи ее с первого предъявления. В 1975 году уже более 94 процентов изделий именно так сдавались в ОТК.

— Наша бригада собирает двигатели,— рассказывает Николай Петрович Кузнецов.— От качества сборки зависит авторитет заводской продукции. Мы это понимаем. Каждый слесарь у нас — рабочий высшей квалификации. Но многое зависит от кузнецов и токарей. Вот почему я пошел на союз с ними. Верю и Метелкину и Амосову. Надеюсь, что и они уверены в моих ребятах. Нас не подведут, и мы не подведем!

Сборщики подсчитали: если токари выполнят свое слово, то можно будет повысить производительность еще почти на два с половиной процента. А это весомая прибавка к собственным расчетам!

Ильичевцы создали штаб соревнования, которое развернулось под девизом «Пятилетке качества — рабочую гарантию». Члены штаба закреплены за цехами, отделами, службами. Самое главное — наладить четкие производственные отношения между смежниками. Стыковка, она не должна никого подводить. Пятьдесят шесть из ста сорока восьми бригад и тридцать пять участков уже подписали договоры о взаимной гарантии.

Гарантируем! — говорят ильичевцы.

ПУТЬ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ ЖЕНЕВУ

Дмитрий ВОЛЬСКИЙ

Не первый раз ближневосточный вопрос обсуждался в Совете Безопасности ООН. Но дискуссия, состоявшаяся там в середине января, отличалась значительными особенностями. Не только потому, что на этот высокий форум были приглашены представители Организации освобождения Палестины. Показательно, что израильское правительство, решив бойкотировать заседания Совета Безопасности, как бы само подчеркнуло, в какой глубокой международной изоляции находится Тель-Авив. И, пожалуй, самое главное, что большинство делегатов — и социалистических, и неприсоединившихся, и многих западных стран — в тех или иных словах сформулировали один и тот же тезис: прочное урегулирование ближневосточного конфликта может базироваться лишь на выводе израильских войск со всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, на удовлетворении законных прав арабского народа Палестины, в том числе права на государственность и на обеспечение возможности всем странам и народам Ближнего Востока жить в мире и безопасности.

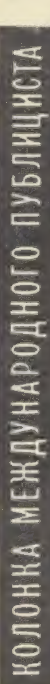
Самая широкая международная общественность, влиятельные политические круги ныне все отчетливее сознают, что только выполнение этих трех взаимосвязанных условий позволило бы разрядить взрывоопасную ближневосточную ситуацию. Сейчас уже можно констатировать, что выкристаллизовалась конкретная программа урегулирования конфликта. И, конечно, отнюдь не случайно, что последовательно выступает за претворение в жизнь этой программы наша страна, как это было вновь подтверждено в опубликованном 10 января заявлении Советского правительства. Напомним, что в том же заявлении СССР высказался за возобновление работы Женевской мирной конференции с участием всех заинтересованных сторон, в том числе ООП. Благоприятные условия для этого и призвано было создать обсуждение ближневосточного вопроса в Совете Безопасности.

И дискуссия в этом авторитетном органе, и отклики мировой печати на заявление Советского правительства, и многие другие события последнего времени дают недвусмысленный ответ на вопрос о том, кто добивается мира на Ближнем Востоке, а кто подталкивает события в противоположную сторону. Факты вновь и вновь свидетельствуют, что «частичные», сепаратные меры, не связанные с кардинальным урегулированием конфликта, лишь мешают ликвидировать его причины. Такие меры в конечном счете обостряют напряженность, ибо позволяют израильским агрессорам и их покровителям надеяться на безнаказанность. Не секрет, наконец, что в арабском мире сепаратные шаги катализируют внутренние разногласия, а это, конечно, тоже не идет на пользу установлению безопасности в ближневосточном районе.

Или, может быть, сторонники таких шагов как раз и хотели бы создать на Арабском Востоке новые локальные очаги напряженности, чтобы отвлечь внимание арабских народов от борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии?

Драматические события в Ливане приводят именно к такому выводу. Теперь, когда отряды ливанских правых обратили оружие и против живущих в стране палестинцев, стало особенно очевидным: арабская реакция фактически подыгрывает Тель-Авиву. По свидетельству бейрутской газеты «Аль-Анвар», «правохристианские круги умышленно нагнетают обстановку в районе палестинских лагерей... и намерены развернуть широкую кампанию с тем, чтобы обвинить «мировой коммунизм» в разжигании кризиса в Ливане и стремлении захватить власть через «палестинское присутствие». Империалистические круги Запада надеются извлечь выгоду из ливанских событий. Не секрет, что те же круги создают еще один отвлекающий военный очаг — на юге Аравии, у границ демократического Йемена. Но стоит обратиться хотя бы к опыту Анголы, чтобы понять: посягательства на независимость или целостность молодых государств, попытки подавить там прогрессивные силы в наше время могут обернуться лишь против тех, кто такие попытки предпринимает и поощряет. А что касается Ближнего Востока, в этом районе подобная игра с огнем по понятным причинам особенно опасна.

Конечно, перед ближневосточными странами стоит множество проблем — политических, социальных, хозяйственных. И пока последствия израильской агрессии не ликвидированы, Ближний Восток не может жить нормальной жизнью. Путь же к ней лежит через Женевскую конференцию, призванную выкорчевать причины конфликта, уже многие годы лихорадящего этот район.

1

2

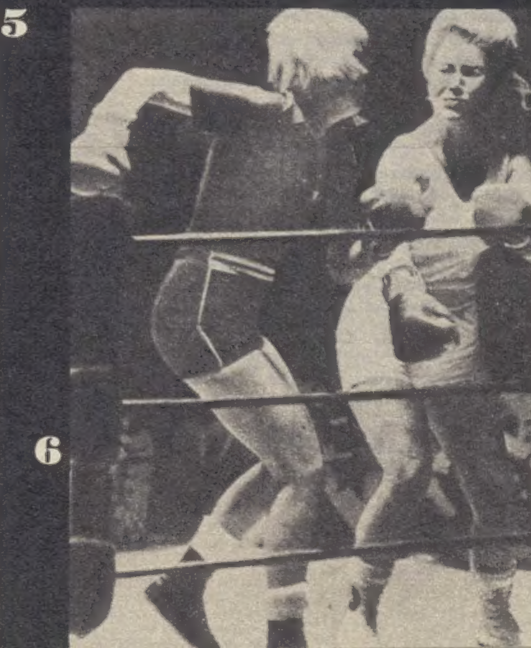
3

4

5

6

1

Несмотря на полицейский террор и репрессии, коренные жители США — индейцы не прекращают выступлений в защиту своих жизненных прав. В городе Милуоки (штат Висконсин) состоялась демонстрация индейцев. Полиция с помощью дубинок расправилась с ними. Более 20 активистов движения американских индейцев брошены за решетку.

2

Сильный ураган, пронесшийся над странами Европы, вызвал серьезные повреждения в системе водных заграждений Бельгии, привел во многих местах к наводнениям. В некоторых районах страны были прорваны плотины, реки вышли из берегов, затопив дома.

3

Это норвежское судно-рудовоз «Берге Истра», совершавшее рейс с грузом из Бразилии в Японию, исчезло в канун нового года, вызвав много противоречивых сообщений. Только спустя много дней японские рыбаки подобрали двух уцелевших моряков «Берге Истра». Как рассказали моряки, на судне произошел сильный взрыв, вслед за которым последовали еще два, вследствие чего грузовоз пошел на дно.

4

В сельскохозяйственном кооперативе «Красная звезда» в провинции Алентежу, на юге Португалии, созданном после победы революции, на помощь крестьянам пришли рабочие. В свободные дни они бесплатно работают на полях и в садах. На снимке: обсуждение плана работы на день.

5

Арабское население городов Наблус и Рамаллах, находящихся на оккупированном Израилем западном берегу реки Иордан, выступило с протестом против попыток оккупантов захватить земли, принадлежащие местным жителям, а также против стремления израильских властей навязать ему марионеточную администрацию. Израильские солдаты разогнали демонстрантов.

6

Матч по боксу среди женщин-профессионалок состоялся в городе Вирджиния-Сити (штат Невада). Победительницей стала Кэролайн Свендсен (справа), нокаутировавшая свою соперницу. Участницы встречи получили по 200 долларов каждая. Организаторы матча — гораздо больше.

Фото ТАСС.

Е. ЛУЦКАЯ

Идет репетиция... Фото Е. Умнова

ТЕАТР ТАНЦА

— Внимание, еще раз! Прошу все сначала. Динамичней, динамичней! Уходит динамика — уходит все. Из танца уходит молодость, уходит азарт...

— Дайте мне развитие движения. Прошу точную фразировку. Танцем выстраивайте смысл — всю фразу, чтоб были контрасты.

— Плохо! Плохо! Мне стыдно за вас, так не танцуют: в воздухе танцор неинтересен — сутулый. Имейте в виду: для танца нужны не только ноги, но еще и умная голова...

— Вот сейчас вроде бы похоже на дело... Ну, ребятки, теперь — все сначала!..

Вот так Игорь Моисеев начинает каждый рабочий день; любая его репетиция — акт творчества. А я рассказываю о замечаниях балетмейстера, которые относятся к «Полянке»: ею открылась история Государственного академического ансамбля народного танца СССР.

«Полянке» сегодня без малого сорок лет. Но всякий раз, когда на сцену выбегут моисеевцы — танцующие нынче «Полянку» юноши и девушки,— неизменно возникает все та же драгоценная иллюзия сиюминутности, перворождения пляски, задорной, динамичной, чисто русской в своей раскованности, в своем темпераменте.

Подобно своим ровесникам — номерам первой программы «Полянка»,— танцы коллектива и сегодня остаются такими же молодыми, будто они сочинены только что, для сегодняшнего юного поколения моисеевцев... На заре существования коллектива их было чуть больше тридцати; они были первыми, кто своеобразием танца доказывал непреходящую, вечную ценность этого искусства, народом созданного и народу возвращенного.

Сегодня в ансамбле больше ста человек, а количество поставленных Моисеевым танцевальных номеров выражается солидными трехзначными цифрами. Однако и по сей день воодушевление поиска, дух первооткрытия и эксперимента определяют всю творческую жизнь этого единственного в своем роде Театра Танца.

Его создателю исполнилось семьдесят лет, но одержимость поиском, жажда нового, вера в эстетическую и общественную миссию искусства не покидают Игоря Александровича Моисеева, народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии.

Если собрать воедино все рецензии, очерки, статьи, книги, посвященные его деятельности, может возникнуть целая библиотека. А если перечислить награды, врученные ему в самых различных государствах, на всех континентах,— получится «реестр» весьма внушительный. Если же экспонировать дары, преподнесенные его коллективу в разных странах,— образуется настоящий музей. И, наверное, если бы И. А. Моисееву вздумалось показать публике все, что им создано за почти сорокалетнюю историю коллектива, то понадобился бы огромный цикл концертов.

Думается, этот «моисеевский цикл» оказался бы весьма поучительным и современным, независимо от даты создания того или иного номера. Современность — душа моисеевского творчества, давний и излюбленный объект изучения и театрального воссоздания танца. Недаром героические, пламенные и суровые «Партизаны» волнуют по сей день; недаром «Краснофлотская сюита» смотрится и сегодня как сочинение, наполненное живым, бодрящим воздухом наших дней, упругими, жизнерадостными ритмами пластики сегодняшней, здоровым, чисто народным юмором... Недаром миниатюры давно сочиненной Моисеевым серии «Советские картинки» сохранили и свое обаяние и ту полную юношеского внимания и интереса к реальному миру наблюдательность, которая всегда отличает этот удивительный талант.

Моисеев уже в молодости осознал необходимость тех целеустремленных опытов, которые были направлены к **сближению** балета и действительности: он становится автором вошедшей в историю хореографии на современную тему. Созданные им образы стали шедеврами в репертуаре ансамбля, ознаменовали вторжение на академические подмостки Большого театра темы принципиально новаторской, героев качественно новых.

Именно Моисееву принадлежит честь постановки в Большом театре революционной сказки Юрия Олеши «Три толстяка». Думается, этот спектакль с его праздничным, весенним колоритом, масштабностью идей и неповторимыми богатейшими хореографическими приемами может стать бесспорным украшением любого музыкального театра.

Мастёра Большого Балета всегда с удовольствием сотрудничают с Моисеевым, от балерин поколения Суламифи Мессерер и Ольги Лепешинской, замечательных исполнительниц роли Суок, до неотразимой, коварной и властной, обольстительной Эгины — Майи Плисецкой в осуществленной Моисеевым редакции балета «Спартак».

Множество фрагментов моисеевского «Спартака» — от адажио Спартака и Фригии до замечательно воскрешающего древние фрески дуэта египетских танцовщиц — пользуются по сей день большим успехом в концертном исполнении. Как истинный художник, Игорь Моисеев владеет и утонченным, ювелирным искусством танцевальной миниатюры и величественным, впечатляющим размахом монументальных хореографических полотен.

Ослепительно-праздничное карнавальное шествие «Вива, Куба!», безудержно вовлекающее в свой круг каждого зрителя; веселье «Сицилийской тарантеллы», озорное подвижное пламя «Арагонской хоты»... Вспоминаешь о том, как создает Моисеев все эти разноликие и столь единые неповторимостью авторского почерка танцевальные сочинения,— и сразу возникает в сознании «Дорога к танцу», своего рода монолог балетмейстера, рассказанный им вместе с его единомышленниками — артистами.

Не однажды пытался кинематограф зафиксировать на пленке и концерты и репетиции Моисеева. Уже в 1938 году первая (снятая Интоpгкино) программа разошлась по зарубежным странам, впервые познакомив публику с хореографической новью советского искусства... Много лет спустя известный итальянский режиссер А. Блазетти снял ансамбль в фильме «Я люблю, ты любишь...». Ныне существует немало аналогичных фильмов советского и иностранного производства, но среди них, пожалуй, самая интересная лента «Вечное движение», созданная Свердловской киностудией. Глядя на экран, где скрытой камерой — с объективностью документа — запечатлены репетиции Моисеева, словно проникаешь в тайны творческого процесса. Но все же гораздо отчетливее раскрываются моисеевские «секреты», когда из года в год видишь, как репетирует Игорь Александрович. Есть неповторимая секунда — та обязательная пауза, которая предшествует появлению Моисеева на репетиции. Вдруг обрывается гул разговоров, на лицах возникает выражение глубокой сосредоточенности, воцаряется тишина. Входит Моисеев. Кажется, всего лишь будничная, изо дня в день повторяющаяся встреча коллектива с художественным руководителем... Но она всегда поражает тем скрытым оттенком торжественности, в котором живет уже некое предощущение поиска, творчества, полета... Новое Моисеев ищет по призванию, вот почему годы не властны над его даром. Он и сегодня покажет любое движение, любое их сочетание. Покажет так, что и новичка и самого опытного исполнителя изумит молодая подвижность, экспрессия, стремительность показа. Из мастерской Моисеева и сегодня выходят произведения лучезарные, оптимистичные, полные комизма и остроумия, свойственных лишь молодости, будь то «Пикник» с неутомимыми юными мотоциклистами и их подругами или «Полька-лабиринт», всегда сопровождаемая дружным хохотом зрительного зала.

Моисеев не мыслит своего искусства вне постоянного движения вперед. Когда-то в ансамбле звучала лишь народная музыка; сегодня здесь танцуют и Римского-Корсакова и Бородина... Русская музыкальная классика обретает черты неповторимые, характер чарующий...

«Посей действие — пожнешь привычку; посей привычку — пожнешь характер; посей характер — пожнешь судьбу...» Приучите себя правильно работать,— говорит Моисеев,— создайте правильные привычки, воспитайте волевой характер — и вы станете людьми искусства.

Биография художника доказывает справедливость требований, воплощенных опять же в хореографии.

Не вознесенный «над прозой жизни», а мастер, зорко и влюбленно смотрящий в лицо этой жизни, он и воссоздает на подмостках ее бесчисленные образы.

О времени и о себе

Ник. КРУЖКОВ

Владимир Николаевич Гаврилов был достаточно известен не только в кругу своих коллег-художников, но и в среде любителей живописи, которых так много в нашей стране. У нас умеют ценить и умное, проникновенное слово писателя, и талантливую кисть живописца, и вдохновенный резец скульптора. Примерно в тридцати выставках участвовал со своими работами Владимир Гаврилов. Он был известен; уходя с выставок и подытоживая впечатление, зритель ощущал, что среди запомнившихся полотен была и картина Владимира Гаврилова. Прижизненной персональной выставки художник так и не дождался — он умер, когда ему не было пятидесяти лет. Выставка открылась уже после смерти мастера. Собранные вместе, картины Владимира Гаврилова обнаружили красоту и своеобразие его таланта, вскрыли примечательные качества творчества художника.

Один мой друг, старый инженер, специалист по котлостроению, как-то позвонил и сказал: «Ты не был на выставке художника Гаврилова? Это у нас на Пречистенке (он называл так улицу Кропоткина)... С большим удовольствием, даже волнением смотрел его картины. Что-то в них есть такое, что трудно передать словами. Самоцветность какая-то! Зайди посмотри, потом поговорим...»

Инженер нашел хорошее слово. В понятие самоцветности он включил не только прелесть пейзажей, но и самобытность художника, его своеобразную композиционную манеру, его особое искусство решать тему.

Пейзажи Владимира Гаврилова действительно пылали. «Солнечный день» — несомненно, предвесенний — переливался серебром, золотом, бирюзой, синью, пробуждая бодрость, ощущение красоты жизни. А ведь все обыкновенно — сельские избы, забор, тощие деревца около домов. Но это простое, обыденное, привычное вдруг запело сильно и молодо. «Радостный март» звучит еще сильней и голосистей, может быть, потому, что в картине накрепко соединились пейзаж и жанр: деревенские девчата, идущие из бани по голубому весеннему снегу, сияющие и довольные, как нельзя лучше передают радость человека, рожденную красотой пробуждающейся природы. Отчетливо слышишь первые звоны вскипающего под снегом ручья и прелесть самого снега, оседающего под лучами солнца. Ничем не примечательна северная деревня Шода. Но на картине Владимира Гаврилова пламенеют от закатного летнего солнца стены ее высоких изб с небольшими оконцами, и оттого кажутся эти избы великолепными сооружениями, выплывшими из дали веков. В картине «Сумерки» и людей не видно — только окна загораются в домах, да загулявшие гуси тянутся цепочкой к воротам. И сразу представляешь себе закончившийся день с его заботами и хлопотами, часы покоя, отдыха, ночной тишины.

Картина «Свежий день», отмеченная в 1959 году золотой медалью на Международной выставке в Вене, тоже проста по замыслу: девушка в яркой, цветастой кофте поправляет волосы, которые ветер выбил из-под косынки; она улыбается той пленительной улыбкой, которая свойственна только молодости, а рядом, взбудораженная свежим ветром, радуется река, вода в ней словно вобрала в себя все серебро, все голубые отсветы неба... Девушка, видимо, только что искупалась, ей хорошо и весело от этой свежести, от ослепительного солнца, и зритель, рассматривающий картину, будто сам переносится в этот яркий, ветреный день.

«Май. Северная ночь». Струится ночная прохлада, и загадочные тени дремотно легли в саду. Эта картина — короткая новелла о любви. Здесь тоже все обычно, нет бурно кипящих страстей; парень обнимает девушку, она прильнула к нему, оба замерли от счастья — любовь прекрасна, прекрасна природа, окружающая влюбленных. В обыкновенном и простом художник видит высокое, чистое и значительное.

Творчество Владимира Гаврилова многообразно. Он начинал с портрета и исторической темы. В 1950 году двадцатисемилетним студентом преддипломного курса Московского художественного института он показал на Всесоюзной выставке картину «А. Н. Радищев». Не следует считать это слишком смелым шагом со стороны молодого художника, не испугавшегося соседства с мастерами. Начиная с 1943 года он экспонировал свои работы на шести выставках. За его плечами уже был фронт, работа в Студии имени М. Б. Грекова и несколько картин, принесших ему первый успех.

Картина была замечена и получила добрые отзывы со стороны критики. Сюжет ее прост — во время путешествия из Петербурга в Москву, когда возок Радищева завяз в колдобинах большака, он вышел на дорогу и внимательно всматривается в безрадостные приметы крестьянской жизни: покосившиеся избы, жалкую деревянную церквушку на косогоре. Кругом вопиющая бедность, уныние, тоска. Этот печальный фон, на котором выписана фигура Радищева, напоминает строки из его знаменитой книги: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвленна стала».

Через год после «А. Н. Радищева» художник создает портрет В. И. Сурикова. Многие мастера писали этого великого русского живописца, да и сам он оставил после себя великолепные автопортреты. Легко было пойти по проторенной дорожке, но Владимир Николаевич решил тему по-своему: Суриков изображен на фоне знаменитой «Боярыни Морозовой». Картина еще не завершена, великий мастер задумался, все ли ему удается сделать так, как хотелось...

Молодой художник сумел передать в портрете движение творческой мысли, а это далеко не часто удавалось и опытным живописцам.

После «А. Н. Радищева» и «В. И. Сурикова» многие решили, что Владимир Николаевич прочно привязал себя к исторической теме. Но такое предположение не оправдалось — его глаза были широко раскрыты на окружающий мир. В 1952 году он пишет картину «Молодые изыскатели». Здесь изображены геологоразведчики — ребята милые и привлекательные; они, видимо, только что проснулись, один из них еще никак не может оторваться от сновидений. Вход в палатку открыт, вдали возвышаются горы. Карта, разложенная на походном столе, зовет в новые места. Все в этом полотне, согласно творческому обычаю художника, без выспренности и патетики; просто люди готовятся продолжать свой труд — только и всего. Но именно это и побуждает зрителя к размышлениям, делает картину по-настоящему романтичной.

В 1959 году Гаврилов пишет получившее широкое признание полотно «За родную землю». Не ожидайте увидеть боевые схватки, дымы пожаров, разбитые танки, брошенное оружие — нет, здесь тоже все очень просто, как всегда у этого художника. Солдат уезжает на фронт. На картине двое — он и его жена или, может быть, невеста, сестра. Они простились, он идет, и все длиннее становится расстояние между ними, оно заполняется горькой тоской разлуки. Долг зовет солдата, ничто не остановит его, не вернет назад, в деревню, где родился и вырос, к родному полю, к рощам и перелескам.

Разумеется, при всей оригинальности своего творческого мышления, необычности композиционных форм Владимир Гаврилов не был былинкой, растущей одиноко у края проселка. Его учили мастера добрые, умные и талантливые — В. Почиталов, С. Герасимов, А. Грицай, В. Ефанов; он всегда говорил о них с признательностью и благодарностью. Но при этом искал свой путь, пробивал в искусстве свою тропу, выявляя личность, самобытность, «самоцветность»...

После его смерти народный художник СССР действительный член Академии художеств СССР А. Пластов, оценив Гаврилова как художника «редкой живописной одаренности и своеобразия», сказал: «Ему суждено было еще многое, многое. Он был молод, полон творческих замыслов, свежестью и силой веяло от его полотен. Но рок судил иначе. Короток был век этого глубоко национального и крепкого художника».

Очень точно и верно написал о В. Гаврилове член-корреспондент Академии художеств СССР А. Левитин: «Гаврилов был Личностью. Ему было не только *чем* себя выразить, но главным образом было *что* сказать людям. Говоря словами Маяковского, он говорил «о времени и о себе» и делал это талантливо и страстно».

Владимир Николаевич Гаврилов имел душу чистую, страстную, искреннюю, и эти душевные качества переливались в его картины, полные горячей любви к людям, своему народу, своим современникам и нашему общему отчему дому — Родине.

В. Гаврилов. В. И. СУРИКОВ. 1951.

В. Гаврилов. СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1965.

РАДОСТНЫЙ МАРТ. 1960.

МОЛОДОСТЬ ТВОЯ, РАБОЧИЙ КЛАСС

См. 2-ю стр. обложки.

Давно уже принято считать, что завод начинается с проходной. Ныне сотни тысяч молодых людей идут к этой проходной через профессионально-техническое училище. Именно там начинается для них завод, там постигают они азы мастерства.

Главная задача профессионального обучения — не только научить работать, но и научить мыслить, помочь овладеть теоретическими основами. Умные, дальновидные организаторы производства давно уже учли разницу между просто умелым рабочим и рабочим не только умелым, но к тому же еще и знающим.

* * *

Сейчас старейшая в Ленинграде и в стране профессионально-техническая школа — при Кировском заводе — носит имя Васи Алексеева, одного из ее выпускников. Почетный список выпускников продолжили лауреат Государственной премии, фрезеровщик-скоростник Евгений Францевич Савич, Герой Социалистического Труда слесарь-сборщик Константин Васильевич Говорушин и многие другие известные всей стране рабочие. Нынешние учащиеся большинства ленинградских ПТУ могут назвать десятки прославленных имен своих предшественников.

Летом 1920 года В. И. Ленин подписал декрет СНК, в котором говорилось: «В целях ликвидации технической безграмотности, а также ввиду острой нужды в квалифицированной рабочей силе, переживаемой нашей промышленностью, и необходимости скорейшего восполнения рядов квалифицированных работников-специалистов Совет Народных Комиссаров постановил: 1) все рабочие в возрасте от 18 до 40 лет объявляются подлежащими учебной профессионально-технической повинности...»

По пустым, холодным учебным мастерским и классам путиловского училища в задумчивости бродил когда-то Степан Иванович Афанасьев, первый красный директор путиловского завода. Неизвестно куда исчезло оборудование. Преподаватели — кто в Красной Армии, кто в продотряде. Разруха!.. Но прозвучало суровое слово: «повинность. Из «оставшихся в живых» старых станков формировались действующие цеха «Красного путиловца». Но Степан Иванович, коммунисты завода нашли оборудования училищу. Они думали о завтрашнем дне своего предприятия, о будущем рабочего класса.

Ожили старые классы, наполнились веселым гомоном «фабзайчат».

В Петрограде училища фабзавуча возникали в ту пору на многих предприятиях.

Осенью 1940 года страна объявила призыв молодежи в ремесленные училища. Откликнулось более миллиона человек.

И вот война. Подростки стали рабочими задолго до окончания учебы. В мастерских ремесленного училища при заводе имени Козицкого изготавливали корпуса ручных гранат, детали пулеметов, реактивных снарядов для легендарных «катюш». Приезжавший сюда Александр Фадеев позже напишет в своей книге «Ленинград в дни блокады»: «Мне пришлось часто соприкасаться с жизнью и работой 15-го ремесленного училища в Ленинграде... Училище это за время блокады стало известным всему Ленинграду. Оно прославилось тем, что в равных условиях со всеми другими, в самые тяжелые дни дало выпуск в несколько сот человек и продолжало работать на оборону города в своих мастерских и сохранило от смерти подавляющее большинство своих учеников».

После войны училище давало своим воспитанникам и профессию и семилетнее общее образование. Здесь впервые были намечены пути к учебному заведению нового типа. Соединить обучение профессии и изучение основ наук — в пятидесятые годы это рассматривалось как эксперимент. Но минуло немногим более десяти лет, и развитие научно-технической революции потребовало: каждый молодой рабочий должен получить среднее образование. И вновь опыт ПТУ-68 (так называется теперь училище) стал нужен всем. Училище на Васильевском острове стало своеобразной творческой лабораторией. Сюда за опытом едут мастера производственного обучения и преподаватели. Знакомятся с новым типом ПТУ, куда молодой человек приходит не только для того, чтобы овладеть избранной им профессией токаря, слесаря, фрезеровщика, но и для того, чтобы стать всесторонне развитой личностью.

«Одним из наиболее перспективных путей осуществления всеобщего среднего образования мы считаем (при сохранении ведущей роли общеобразовательной школы) дальнейшее развитие профтехучилищ, дающих среднее образование»,— говорил на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Проанализировав накопленный опыт, руководствуясь решениями XXIV съезда КПСС, Ленинградский обком партии разработал конкретные пути перестройки воспитания и подготовки молодых людей, пополняющих ряды рабочего класса. Главная суть этой перестройки заключалась в том, чтобы поднять всю систему профтехобразования на новую ступень и уже в девятой пятилетке завершить в основном перевод ПТУ на среднее образование.

ЦК КПСС и Совет Министров СССР поддержали инициативу ленинградцев и приняли специальное постановление «О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования в Ленинграде и Ленинградской области».

Начался новый этап подготовки рабочих кадров. Ни в чем не уступая средней школе, ПТУ превосходят ее в том, что дают молодежи вместе с аттестатом зрелости высокую квалификацию.

Первичные партийные организации, районные комитеты партии, ленинградские обком и горком КПСС держат под постоянным контролем строительство новых комплексов ПТУ, реконструкцию старых действующих учебных заведений, пополнение материально-производственных баз.

Главной фигурой в ПТУ, как и прежде, остается мастер-наставник. Большинство старых мастеров, работавших еще в ремесленных училищах, были энтузиастами своего дела, они любили ребят всей душой, старались передать питомцам все, что знали сами. Но беда в том, что знали они немного. Давно оторванные от производства, они учили ребят по старинке. Да и в общем развитии воспитанники ПТУ быстро обгоняли многих своих педагогов. В политехническом институте и в педагогическом институте имени Герцена еще только создавались отделения, готовившие мастеров-наставников, а знающие, высококвалифицированные люди нужны были немедленно.

Арматурщик - электросварщик Борис Александрович Журавлев 20 лет проработал на одном и том же заводе. Бывший выпускник ремесленного училища, он все эти годы следил за тем, как развивается профтехобразование, какие проблемы возникают на его пути. И он принял решение — стал мастером ПТУ. Новая должность, новые заботы. Не было у Бориса Александровича специальной педагогической подготовки. Приходилось много читать, консультироваться с коллегами, но главное пришлось постигать самому. А проблем возникало много.

Сейчас сложилось твердое убеждение в том, что интерес к определенному роду деятельности нужно развивать в человеке задолго до того, как он столкнется с проблемой выбора той или иной специальности. Создана целая система профессиональной ориентации школьников. Как эта работа проводится коллективом училища? Устраиваются экскурсии для старших школьников в мастерские, заводские цеха. Проводятся беседы об основных специальностях, ученики подшефной школы проходят производственную практику.

И все. А продуманной, проверенной временем системы еще нет. Сейчас начинают знакомить ребят с рабочими специальностями с восьмого, реже — с седьмо-

го класса. Это поздно. Нужно начинать уже с четвертого класса. Но как? Поставить десятилетнего мальчика к токарному станку?..

И еще. Убедить подростка пойти в ПТУ — задача не из самых сложных. В 15 лет психологические барьеры преодолеваются легче, чем, скажем, в 40. Именно люди такого возраста порой сводят на нет усилия агитаторов за ПТУ. Это родители. Наверное, и они должны стать объектом профориентации. Приходится сталкиваться с такими ситуациями. Мальчишка говорит отцу: «Я решил поступить в ПТУ». А в ответ: «Я лучше тебя знаю жизнь, знаю, что хорошо и что плохо. В ПТУ не пойдешь, поступишь в девятый класс». Авторитет отца велик, и вот уже грош цена всем экскурсиям, беседам, производственной практике.

Как воспитателям, педагогам ПТУ склонить родителей на свою сторону? Борис Александрович предложил провести собрание родителей учащихся подшефной школы в ПТУ. Многим это показалось пустой затеей. Не придет, мол, никто, а если и придут, то все равно останутся при своем мнении. Однако встреча состоялась и прошла не без пользы. Произвели впечатление кабинеты училища — не только в школе, далеко не в каждом вузе такие имеются. Работники училища попытались доказать родителям, что преподавание многих дисциплин здесь поставлено не хуже, а лучше, чем в обычной средней школе, что такие предметы, как физика, химия, математика, постигают тут глубже и разностороннее. Теория подкрепляется специальными курсами, профессиональной подготовкой.

Конечно, не сразу после собрания родители привели своих детей в училище. Такого эффекта никто не ожидал. Но некоторый сдвиг все же произошел, и Журавлеву ясно: нужно и дальше продолжать профориентацию родителей. В какой форме? Он еще точно не знает. Но коммунист наставник Журавлев привык искать и находить выход из трудных ситуаций.

У Бориса Александровича нашлись последователи. Мастером в Мичуринском сельском ПТУ стала выпускница этого училища, знатный овощевод, член обкома ВЛКСМ Антонина Николаевна Евдокимова. Ленинградская партийная организация поддержала почин Журавлева и Евдокимовой. Сотни квалифицированных рабочих, опытных наставников молодежи с путевками парткомов и комитетов комсомола пришли на работу в профтехучилища. Их труд на новом поприще высоко оценен правительством. Многие из них награждены орденами и медалями. Борису Александровичу Журавлеву присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Всего несколько лет прошло с тех пор, как среднее образование в профтехшколах стало нормой. Но многие проблемы, с которыми вначале пришлось столкнуться Журавлеву и его товарищам, которые в свое время считались почти непреодолимыми, сейчас отошли в прошлое. Скажем, например, что ныне в Ленинграде во многих училищах проводится конкурс среди поступающих. Не так просто поступить в иные ПТУ. Почему? С таким вопросом в начале этого учебного года мы обратились к Владимиру Петрову, отлично окончившему восьмилетку.

— В ПТУ интереснее,— ответил он.— Здесь не только по книжкам учат. Тут можно все попробовать сделать своими руками.

Это сочетание профессионального и среднего образования стало чуть ли не главной привлекательной стороной для мальчишек. В кабинете металловедения «ПТУ-22» на одном из приборов — табличка «А. Шадров. 1-я группа». Схожие «фирменные знаки» обнаружились на многих учебных пособиях. В токарной, слесарной мастерских нам показывали новейшие инструменты, приспособления ленинградских новаторов. Все они тоже созданы в училище по чертежам, взятым из дома научно-технической пропаганды. Здесь, как в большинстве других ПТУ, есть такое неписаное правило: всячески приветствовать любую техническую самодеятельность.

Мы обратили внимание на вывеску при входе в ПТУ. Там значится: «Училище — лауреат премии Ленинского комсомола». Премия получена за подготовку высококвалифицированных кадров и массовое техническое творчество. А началось все с мелочей, с вещей второстепенных и незначительных. Ведь первый шаг рационализатора начинается с решения несложного вопроса: справа или слева от себя поставить масленку? В слесарной мастерской все предметы на верстаках стоят в определенных раз и навсегда местах. Это не просто любовь к порядку ради порядка. Это продуманная система.

Неверно было бы думать, что главная материальная база ПТУ составлена из самоделок. Классы, мастерские оборудуются самой современной высокопроизводительной техникой. По своей оснащенности ПТУ ничуть не отстают от основных цехов базовых предприятий. Чтобы убедиться в этом, стоит побывать в училище, которое готовит рабочих для ЛОМО — Ленинградского оптико-механического объединения имени В. И. Ленина. Строительство нового здания взял под свою опеку генеральный директор фирмы, Герой Социалистического Труда Михаил Панфилович Панфилов. Руководитель крупнейшего в городе объединения, он находил время вникать во все мелочи строительства, комплектования новых учебных корпусов. Производственная база училища — завод в миниатюре.

Сейчас здесь занимаются около тысячи юношей и девушек. В десятой пятилетке число учащихся возрастет более чем вдвое. Есть тут актовый зал, свой широкоэкранный кинотеатр, спортивный комплекс, великолепная библиотека, помещения для работы различных кружков, секций, студий.

Примеру ЛОМО следуют и другие ленинградские предприятия. За годы девятой пятилетки в Ленинграде создано 33 новых комплекса профессионально-технических училищ, построены десятки мастерских, общежитий, организовано 1950 лабораторий, учебных кабинетов, оснащенных новейшими техническими средствами обучения.

Время предъявляет все большие требования к современному рабочему, к его знаниям, профессиональной подготовке, общей культуре. Именно поэтому ПТУ, дающее высокую специальную подготовку и общее среднее образование, становится теперь наиболее перспективным типом учебного заведения.

1 В Эрмитаже на уроке эстетики.

2 Конфликтная ситуация.

3 И садоводами быть умеем...

4 На пути к славе...

5 Сами себе хозяйки...

1
2
3
4
5

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Георгий БЕРЕЗКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

— Так мы и остались с ревкомовцами, с Полей... Признаюсь, я тяжело это переживал. И уж, если быть совсем честным, геройства не проявил. Какое там геройство!..— Сведомский слабо усмехнулся.— Но помните, у Пушкина: «Не для житейского волненья, не для корысти, не для битв,— он сделал ударение на «не для битв»,— мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв».

— Я, конечно, благоговею перед Пушкиным...— Колоколов был уже совершенно трезв, к коньяку он больше не притрагивался,— но позвольте заметить, сам Пушкин погиб в бою, от вражеской пули.

— Вот и горько и непростительно!

— Но заметьте: он сам вызвал противника на бой. О Пушкине можно написать, как мы писали во время войны: «Пал смертью храбрых»,— сказал Колоколов.

— Да, это так...— сказал Сведомский.— А прожили он еще тридцать семь лет, хотя бы двадцать семь, хотя бы десять!.. Чего мы с вами лишились, представить только!

— Согласен. Но позвольте предположить: если б не был Пушкин бойцом, он не был бы Пушкиным.

— Он не был бы Пушкиным...— повторил, как эхо, Сведомский.— Хотя почему бы?.. Талант — это всегда талант...

Он задумчиво повертел свою рюмку. Колоколов откашлялся, готовясь к продолжению расспросов.

— А знаете, может быть, вы правы.— Сведомский с новым выражением внимания посмотрел на отставного полковника.— Талант требует оплодотворения, и оплодотворяет его...— вероятно, так,— жизнь людей, эмоции, идеи! Что же еще?.. Да вы мудрец, товарищ полковник!

— Никак нет, всего лишь обобщаю опыт своей службы. Решение задачи добывается в бою — это как закон, а идя в бой, не отрывайся далеко от своих тылов — грозит поражением. И третье: помни, чему ты служишь, помни о присяге, забыл — погиб.

— Прекрасно — коротко и исчерпывающе!— сказал Сведомский.

— Однако же прошу простить, Евгений Александрович! Какое было дальнейшее развитие событий?— Колоколов требовал возвращения к прерванной теме.— Очень обяжете.

— Что я могу еще сказать?

Сведомский не сумел скрыть досады, даже некоторого раздражения.

— В общем, что же? Сидели, голодали, нас не кормили... Нервничали — это само собой. Я иногда садился за этот вот рояль, спасался от невеселых мыслей.

Он поднялся и подошел к роялю...

Продолжение. См. «Огонек» №№ 1—3.

ОТСТУПЛЕНИЕ В ПРОШЛОЕ. СВЕДОМСКИЙ, СНЕГИРЬ, ПОЛЯ И ДРУГИЕ

«Губернаторский» номер в «Пальмире» утратил уже свою парадность: его новые обитатели передвинули мебель, на обитых штофом креслах была разбросана одежда. В первой комнате, в гостиной, на полу, на пестром персидском ковре растянулся во весь рост Махов, сунув сложенный бушлат под голову, оставшись в одной тельняшке. Коротеев смотал черные обмотки с ног, сбросил пудовые солдатские башмаки и сушил на них расстеленные сверху портянки. Портьеры на окнах были задернуты, и в номере стояла полутьма — серый сумрак тюремной камеры.

Сведомский сидел у рояля и то начинал играть, то бросал, то вновь касался клавиш. Это был словно бы поиск в разных направлениях, отрывки из Шопена перемежались отрывками из Листа или собственной импровизацией. Но затем он заиграл «Лунную», люди притихли, слушая... Поля, сидевшая к Сведомскому ближе других, видела, как в иные мгновения менялось его худое лицо, бледнело, сжимались губы. И, низко наклоняясь к клавишам, он точно силился рассмотреть музыку, возникавшую под его пальцами; потом откидывался назад с закрытыми глазами, точно ослепленный увиденным.

Безотчетно вздохнул Коротеев, заворочался на составленных стульях... И Сведомский оборвал игру, он мелко и часто, как после бега, дышал, глаза его оставались закрытыми.

— Вся душа мира...— громко в наступившей тишине прозвучали слова Колпакова — профессора.— Да вы артист, молодой человек!

Неожиданно легко поднял с ковра свое большое тело Махов и прошелся по комнате, потягиваясь, разминаясь, мотая головой на мощной, толстой шее.

— Боже мой, как это необыкновенно!— проговорил Камушкин, лысоватый, лет за пятьдесят, в чиновничьей, финансового ведомства, цвета бутылочного стекла тужурке.— Играйте, господин студент, пожалуйста!

Поля скомканным платочком отерла влажный лоб Сведомского; тот все еще, как будто околдованный, не открывал глаз.

Махов подошел к окну, раздвинул портьеры и выглянул на улицу...

К концу дня солнце вышло из-за облаков, и закатный луч, проникший в комнату, оранжево загорелся на противоположной стене, с бронзовым зазолотившимся канделябром, протянулся по столешнице красного дерева, словно бы вдруг перерезанной узкой огненно-красной полосой, блеснул на стеклышке пенсне Диомидова, председателя ревтрибунала. Диомидов замигал, поправил пенсне... На его большом, вытянутом книзу, мучнисто-белом лице это чеховское, со шнурком пенсне казалось чужим, совсем неуместным.

— Махов, отойди от окна,— сказал он.— Они стреляют по окнам.

Но Махов, будто не услышав, просунул голову меж портьер.

— Бабы все стоят со своими передачами,— сообщил он,— их гонят, они — в стороны, в подворотни, а после опять выползают.

— Женщины наши терпеливые,— сказал Батюшков, продкомиссар, обращаясь к Снегирю; оба сидели рядышком на диване, в стороне от стола.— Когда я в Москве, в предвариловке, суда дожидался, жена шубу продала — шуба у нее лисья была, от матери досталась. Это чтоб передачи мне носить, и в Москву приехала. Когда я в Орловском централе свое отбывал — она и в Орле мне молоко носила. Так всю жизнь и шла за мной, с передачами в кошелке.

Он покачал головой, как бы желая сказать: «Что ты с ними, с глупыми, сделаешь!»

— Товарищ Махов, сказано тебе было,— подал голос Коротеев.— Тебя с улицы как на картине видно, с одного озорства могут пальнуть.

Махов засмеялся своим гулким, словно бы искусственным, металлическим смехом.

— Гляди, гляди, опять одна к другой подбираются. Ну и бабы!

Лишь теперь он отошел от окна.

С кресла сорвался Колпаков и, придерживая накинутое на плечи пальто, шаркая спадавшими с голых ног туфлями, почти бегом очутился у стола.

— Господа, мы должны протестовать!— горячась, заговорил он.— Вторые сутки нас держат в этом застенке, не предъявляя никакого обвинения... Это — вопиющее беззаконие! И затем нас обрекли на голод — буквально! С момента ареста мы не получаем пищи, даже хлеба! Я считаю, надо выбрать делегацию...

Пальто сползло у него с плеч, открылась лиловая, измятая пижама, и он, застеснявшись, едва успел подхватить пальто.

— Так продолжаться не может... Я готов войти в делегацию.

Все промолчали, и Колпаков сразу сник и поплотнее запахнулся.

— Во всяком случае, я прошу обсудить...— понурившись, проговорил он.

Вновь заиграл Сведомский... На этот раз он повторял одни и те же несколько тактов, звучавших как однообразный стон, угнетавший своей монотонностью.

Махов первый не вытерпел.

— Артист, будь друг, не рви душу!— мягко, что было мало свойственно Махову, попросил он.— Извини, друг!

И в тишине, вновь наступившей в комнате, в этой тишине бессильного ожидания, изнеможения, страха, копившегося гнева, послышались как бы глухие вздохи — далекая артиллерийская канонада.

— Это наши!— Поля вскочила, бросилась к Сведомскому.— Женя, наши! И совсем близко...

— Откуда ты знаешь, что это наши? И совсем не так близко,— сказал он.

— За рекой бьют,— послушав, сказал Коротеев,— версты четыре, а то все пять будет — из тяжелых.

Махов порылся в карманах своего флотского клеша.

— Главная беда — ни крупиночки... На ползакрутки ни у кого не найдется, братцы?

Он томился, не находя себе места, да к тому же давно кончилось у всех курево. Ему не ответили, как и Колпакову; впрочем, он и не надеялся на ответ... Пушки постреляли еще немного и замолчали.

Еле заметно в сумерках скользил по стене красноватый луч, светившийся из щели в неплотно сомкнувшихся портьерах; теперь он приближался к «Святой Инесе». С особенным вниманием следил за его воздушным движением Камушкин.

Очень тихо, явно конспиративно беседовали на своем диване Снегирь и Батюшков.

Из второй комнаты с альковом вышла Павла Дмитриевна, неся холщовый мешочек со многими выпирающими уголками, плотно набитый чем-то твердым. К общей неожиданности, это оказались сухари, которые она высыпала на стол, на фарфоровое блюдо — целая горка их поднялась там.

— О!— вырвалось у Колпакова.

— Сухари, конечно, ржаные, их размачивать надо,— сказала Павла Дмитриевна.— Угощайтесь, господа-товарищи!

И Колпаков устремился в распахнувшемся пальто к столу.

— Спасибо, уважаемая Павла Дмитриевна,— на ходу, скороговоркой поблагодарил он,— но, право, нам неловко... Вы насушили сухарей для себя, для своей семьи...

— Угощайтесь, господин профессор, не помирать же...— Старуха поклонилась ему.— А чего другого, не обессудьте, и у нас нет.

Стараясь умерить свое нетерпение, Колпаков двумя пальцами взял сухарь. Подошел Полупанов; Коротеев поставил на стол котелок с водой — водопровод в гостинице не был выключен,— и, осмотрев сухарь с обеих сторон, подув зачем-то на него, объявил:

— Царский сухарь, черный. Всем сухарям сухарь.

Подбежала к столу Поля.

— Павла Дмитриевна, милая, мне так хочется есть!— призналась она.— Женя, иди сюда, Павла Дмитриевна всех угощает! Женя!

Она подержала сухарь в воде и отдала подошедшему Сведомскому.

Махов, понаблюдав издали за возникшим у стола оживлением, повернулся к Снегирю и Батюшкову.

— Животы у людей подвело. А мы ждем чего-то, товарищи комиссары,— хмуро бросил он.— Чего мы ждем?

— Иди, Махов, погуляй еще,— сказал Батюшков.

— Главное, табачку нет,— проворчал Махов.

Павла Дмитриевна боком присела к столу, оглядела обступивших ее, хрустящих сухарями людей и скорбно покивала.

— А вы что же, господин Диомидов?.. Просим прощения за наше угощение!— сказала она.

Диомидов снял пенсне с мясистого носа и уставился на старуху расширенными, близоруко-беспомощными глазами.

— Я не господин, это во-первых, а во-вторых, я не голоден,— ответил он.

Но затем, водрузив на нос пенсне и поглядев раз-другой на блюдо с сухарями, он потянулся к ним.

— Спасибо, гражданка,— сказал он.

Махов, вгрызаясь в сухарь крупными, белыми зубами, остановился около Камушкина.

Тот, весь в напряжении, выпрямился в кресле, вперив взгляд в «Святую Инесу». Солнечный луч добрался-таки до нее и озарил юное лицо, возведенные к небу глаза, ясные в своей безгрешности.

Махов кивнул на картину.

— Хороша, а? А я и не знал, товарищ бухгалтер, что ты любитель.

— Что?.. А, это вы? Что вам?— Камушкин встрепенулся.

— Хороша девчонка... А я-то думал, ты, кроме дебет-кредит, все уж позабыл.

Камушкин схватил Махова за руку.

— Видите! Она сейчас, как живая!

— Лучше уж не глядеть.— И Махов доверительно добавил:— Я тоже, браток, за бабой довольно скучаю. У тебя молодая жинка-то?

— Она молится, вы же видите,— прошептал Камушкин.

— Молится?— с сомнением переспросил Махов.— Да ты, браток, случаем, не того?..

— Вы не знаете ее истории. Это замечательная история! Любовь и вера — нет сильнее оружия!

Махов дожевал сухарь и кинул в рот крошки, оставшиеся на ладони.

— Трехлинеечка авторитетней будет,— сказал он.— Вставай, друг, а то без ничего останешься. Бабка сухарями потчует.

— Спасибо. Вы идите, идите...

Луч солнца стал быстро тускнеть и погас — лицо Инесы словно бы помертвело, стало видно, что оно написано красками на холсте. И Камушкин испуганно обернулся к окну.

— Вот... все... конец!— выкрикнул раздельно он.— Скоро ночь... И они примутся за свое. Днем они боятся убивать... боятся света.

А Инеса будто чудом опять ожила: солнце, выглянув, должно быть, из-за облака, бросило на нее последний луч.

— О, еще мгновение жизни!— Камушкин, привстав, подался к ней.

— Ты вот что скажи, ты не из поповского звания будешь?— спросил Махов.

— Тише, тише!— умоляюще прошептал Камушкин.

Махов перевел взгляд на картину. И в какое-то мгновение ему померещилось, что в глубине этих по-детски невинных глаз и вправду затеплилась жизнь.

— Фу, дьявольщина!— выругался он.— С тобой, дорогой товарищ, ума лишиться можно.

Подошли к столу и Снегирь с Батюшковым, прервавшие свое совещание.

— Где блины, там и мы.— Снегирь улыбался так, точно все было в порядке вещей, по-домашнему: и это их сидение и эти сухари.— Подвиньтесь-ка, товарищи! Спасибо, Павла Дмитриевна!

— Я раньше на сухарные пирожные догадлива была,— повеселев, сказала старуха.— У меня все в дело шло, никогда корочки не выкину. Замочу в молоке сухарную крошку, после яиц туда, лимонного соку... Кушайте, господа-товарищи, кушайте!

Все вокруг были заняты едой, старательно жевали, хрустели, звякала дужка котелка с водой, передвигаемого по столу. И Павла Дмитриевна, подперев голову рукой, поглядывала с добрым удовлетворением.

Из-за альковного полога появилась Аня с шитьем в руках, прошла в первую комнату и тоже села к столу.

— Можно мне еще один сухарик?— попросил Колпаков.— Два я уже съел... Благодарю.

Воодушевленный этим третьим, дополнительным сухарем, он принялся рассказывать:

— В Египте, в гробницах фараонов, найдены были кувшины с зернами пшеницы. Зерна пролежали тысячелетия, высохли, окаменели — это естественно. И вообразите — совершилось чудо! Их посеяли, и они проросли и заколосились. Представляете, господа, какая жизненная сила таилась в них!

— Есть вещи, вызывающие большее удивление,— неровным громким голосом, чтобы слышали все, проговорил Сведомский; со своими сухарями он уже управился.

— Не надо, Женя,— забеспокоилась Поля.— Я очень прошу!

— А что я такого сказал? Я сказал: есть удивительные вещи,— так же громко, для всех, повторил он.

— Что вас удивляет, юноша?— спросил Колпаков; заглушив свой голод, он был настроен благожелательно.

— А вы ничего не замечаете?— Сведомский диковато взглянул на профессора.— Вам не кажется, что мы все посходили с ума?

— Женечка, прошу тебя!— жалобно сказала Поля.

— Дай мне сказать. Ты видишь, я совершенно спокоен. И мы все спокойны.— Теперь, казалось, он отвечал ей одной.— Это и удивительно. Мы хотим есть, грызем эти камни, сидим, разговариваем. Аня шьет распашонки своему первенцу, чепчики... И это здесь, в нашем аду!.. Вы слышали ночью выстрелы во дворе?— Сведомский опять обращался ко всем.

Он встал, ногой отодвинул со стуком стул.

— Там убивали — вы, конечно, слышали. Сегодня очередь может дойти до кого-нибудь из нас. Вы подумали об этом, господин профессор? И кого-то из нас тоже выведут во двор. А может быть, всех нас?..

Павла Дмитриевна замахала на Сведомского руками:

— Ты что, ты что? Бог не позволит, мы ни в чем не виноватые.

— Ужас! Ад! Ужас!— выкрикивал Сведомский.— Как вы все можете?..

Он с размаху опять сел и перевел дыхание...

— Почему мы?..— Силясь совладать с изменившим ему голосом, он несколько раз повторил:— Почему, почему?.. Я не понимаю, почему мы все так спокойны?

— Женечка!— слабо прозвучал голосок Поли.

Только Полупанов продолжал еще жевать.

Аня бросила свое шитье и в ужасе смотрела на Сведомского... Сзади к нему подошел Снегирь, положил на плечо ему руку.

— Дорогой музыкант, наш слишком нервный товарищ!..

Сведомский резким движением сбросил его руку.

— А, товарищ Снегирь!..

И Сведомского как будто подбросило — он вновь очутился на ногах.

— Вам, конечно, все точно, все досконально известно... Но я больше не хочу... не хочу о прекрасном будущем, о счастливом, свободном обществе...

— Так оно и есть, Сведомский! Общество, за которое мы боремся, будет и свободным и счастливым,— по-будничному, без аффектации сказал Снегирь.

— Прекрасно! Чудо, как хорошо! Но меня не будет в этом обществе... Вот ведь какая петрушка!

Снегирь словно бы не замечал состояния Сведомского.

— А это в известной степени зависит также и от вас, быть в нем или не быть,— сказал он.

— Я стану уже травкой на своей могиле, лопухом. Вы, может быть, станете фиалкой.— Сведомский странно хохотнул.— Простите.

— Что поделаешь? Все мы смертны. Рано или поздно для каждого наступает время уходить. «И кто может жаловаться, что он обречен, если все другие тоже обречены». Помните, кому принадлежат эти слова?.. Монтеню. Успокойтесь, дорогой товарищ! Держитесь!

Снегирь кивнул и, обогнув стол, задержался около Ани.

— Подвигается дело, Анна Тимофеевна?

— Товарищ Снегирь, а нас за что казнить?— Она готова была вот-вот разразиться слезами.

— Богатое будет приданое...

Снегирь взял у нее из рук крошечную рубашонку, обшитую кружевцами, и поднял на всеобщее обозрение.

— Вот он, гражданин, которому шьется эта одежонка, будет уже жить в прекрасном мире... Уверяю вас, Анна Тимофеевна, так и будет.

— Спасибо вам,— Аня зашмыгала носом, всхлипнула,— когда не смеетесь.

— Меня за что благодарить?— сказал Снегирь.— Вы же не благодарите арифметику за то, что пятью пять всегда двадцать пять... По науке выходит: быть вашему ребенку счастливым.

Махов взял со стола крохотный, украшенный ленточками чепчик, повесил себе на палец, повертел и искренне удивился:

— Как на кукленка...

— А ты чего хочешь, матрос? Чтобы сразу, как родится, бескозырку надел?

Снегирь рассмеялся, захохотал сам Махов, и даже на длинном лице Диомидова появилась кривоватая гримаса — нечто, подобное улыбке.

— Слова, слова, слова, слова...— ухватившись за спинку стула, сжимая ее так, что от напряжения дрожали пальцы, повторял Сведомский.

— Ну, ну... Зачем же?..— примирительно сказал Снегирь.— Поверьте, у нас общие враги и общая борьба.

— А я... я не хочу бороться... Вот просто не желаю!

Махов посмотрел на Сведомского с интересом.

— На готовенькое желаешь? Чтобы пришли и позвали: окажите такую любезность, отведайте нашего пирога.

— А меня уже позвали... Это вы... вы топчетесь перед воротами в земной рай.

— Превосходно, Сведомский,— все так же незлобиво сказал Снегирь.— Очень хорошо, что верите в себя, в свой талант. Но, товарищ дорогой, только революция, только лишь победа революции распахнет и перед вами эти ворота.

— Слова, опять слова!— выкрикнул Сведомский.— Вы все — на будущее, все, что только можно обещать!.. Но я-то мог бы обойтись без вас сегодня уже.

— Вот ты куда загнул! Ты из каких же будешь?— спросил Махов.

— Из самых обыкновенных — не помещик, не буржуй. Мой отец, если хотите знать, мой отец был приказчиком... Да, да, продавал селедку и орехи... Потом, правда... Но это неважно.

— Что потом?.. Что неважно?

Махов вошел уже в бойцовский азарт: надо было добить Сведомского. И его остановил Снегирь:

— Погоди, матрос! Продолжайте, Сведомский! Итак, вы можете сегодня уже обойтись без нас?

— Да, я музыкант, я играю... Мне надо играть! Даже мой отец понял это в конце концов. И я никого не просил заботиться обо мне...

— Замолчи!— потрясенно крикнула Поля.

— Знаете, Сведомский, бывает, что младенец кусает материнскую грудь. И зубов еще нет, голыми деснами кусает — и сосет. Он не может обойтись без матери, она его кормит.

Сведомский отвернулся — он сразу вдруг обессилел.

— И еще скажу вам: вы не обойдетесь без нас, как ни пытаетесь от нас оторваться... Ни сегодня не обойдетесь, ни завтра.

Снегирь больше не улыбался, посерьезнел, но и сейчас ему нельзя было дать его двадцати трех лет. Невысокого роста, веснушчатый юнец, первокурсник, не старше, с сосредоточенным, светлым взглядом стоял перед Сведомским, таким же юнцом, злым и несчастным, с взлохмаченной, упавшей на бледный лоб шевелюрой.

— Ни завтра,— повторил Снегирь,— ни через десять лет, ни через двадцать, во всей своей жизни не обойдетесь! Когда-нибудь вы поймете это.

Поля взяла Сведомского за руку, как берут напроказившего мальчишку.

— Что ты только наговорил! Пойдем!— сказала она.

Он послушно двинулся, и они сели на кушетку под «Святой Инесой» — на свое обычное место.

— Что ты наговорил! Отлупить тебя надо было,— рассердилась Поля.— Это было ужасно, что ты наговорил.

— Правда всегда ужасна,— сказал устало Сведомский.

— Но ты ведь не думаешь так...— помолчав, словно бы попросила она.

Махов отвел Снегиря в сторонку, к дивану.

— Слушай, предревкома.— Он оглянулся, не слушает ли его кто-нибудь еще.— Мой план такой: первое, обезоруживаем часового, когда он войдет, это я беру на себя. И будет у нас винтовка и штык. Потом, гляди: ножки у кресел дубовые, с медью — тоже сгодятся. И мы все, когда стемнеет, рванем! В коридоре мрак... Есть шанс — кому-нибудь повезет, пробьется.

Снегирь кивал, будто соглашаясь, и сразу же ответил:

— Слабый шанс. Все выходы из гостиницы под пулеметным прицелом, казачья сотня, юнкера в охране... И что это: кому-нибудь повезет... Неважный план. На третьем этаже сидят пленные — бойцы отряда Степана Разина, самокатчики — человек двести пятьдесят — целый батальон. Нужна связь, Махов! Связь!

— А где она, связь?— шипящим шепотом спросил Махов.

— Должна быть! Этой ночью попробуем... Надо проникнуть к разинцам.

— Пусти меня на связь, председатель!— Махов оживился.

— Подумаем, кто и как... Надо, чтобы совсем стемнело...

И их конспиративный разговор был перебит возгласом Камушкина:

— Солнце зашло, господа!

Все обернулись к этому тихому до робости человеку.

— Простите, я хотел сказать: товарищи!— Камушкин смутился.— Я хотел только... что наступил вечер. Я подумал: надо попрощаться...

И водворилась такая тишина, что можно было расслышать дыхание людей; нервно зевнул Колпаков.

Махов досадливо проговорил:

— Ладно, браток, успеем поцеловаться, не торопись!

А из коридора в эту же минуту донеслось бряцание, тяжелые шаги, они не спеша приближались.

Сведомский зябко сжался и сунул сложенные ладони между колен — его зазнобило.

— Хоть бы скорей, что ли...— бормотнул он.

Поля обняла его за шею, притянула к себе. Шаги не задержались у дверей, медленно прогромыхали мимо, дальше...

И Поля зашептала:

— Ты заметил, Женя, Снегирь все о чем-то думает... И Батюшков и Махов — они все советуются. Я уверена, они что-то задумали.

Сведомский прерывисто заговорил:

— Этой осенью я хотел в Москву, в консерваторию... мечтал. И вот по нелепости, по глупой, дикой случайности...

— Ну, успокойся, все еще будет хорошо...— Поля погладила его по руке.— Ты поедешь в свою консерваторию.

Взгляд ее то и дело обращался в противоположный угол, где вновь сошлись Снегирь, Батюшков и Махов. А Сведомский все говорил, говорил беспорядочно, быстро:

— Знаешь, что сказал... мой первый учитель, Всеволод Васильевич, дирижер? Это был замечательный человек... художник. Он сказал: «Мальчик, господь бог избрал тебя среди многих...» Так он сказал: «...избрал неведомо почему»,— это его слова... Я рассказывал тебе...

— Я могу это слушать сколько угодно,— сказала Поля.

— Мне и девяти не было, а я уже бренчал... я просто не помню себя без музыки... В тринадцать лет я играл «Баркаролу» Шопена, его полонезы... Листа, Брамса...

Он запнулся, опять прислушиваясь...

— Ну, говори же,— сказала она.

— Мы жили тогда рядом с театром, и днем я пробирался, чтобы послушать репетиции. Всеволод Васильевич вытащил меня из ложи... За ухо вытащил... А потом он мне говорил: «Мальчик, ты родился музыкантом...» Ах, все, все бессмыслица, кукиш с маслом!

И, открывая ей свое самое большое стремление, свою суеверно оберегаемую тайну, он шепотом признался:

— Я мог бы стать великим музыкантом... Посмотри на мои руки... Они как будто созданы для рояля.

— И ты им станешь.— Поля все гладила своей маленькой огрубевшей рукой его руку.— Ты такой, такой талантливый!— Она поискала мысленно еще какой-нибудь довод.— Ты не знаешь Снегиря, не знаешь наших ревкомовцев... Они что-нибудь придумают.

— Господи! Зачем ты дал мне это — талант, музыку?.. Чтобы сразу все отнять?

Сведомский вдруг выпрямился, порываясь встать.

— Слышишь, идут к нам!

— Никто не идет... Сиди! Да успокойся, наконец! Ты станешь знаменитым музыкантом. И тебя будут слушать миллионы людей... Мы так и говорим: «Искусство — трудящимся».

— Тише ты!— Сведомский с ужасом смотрел на двери в коридор.

— И ты поедешь в Москву, тебе дадут путевку, ты будешь учиться. Ведь мы победим — я в этом абсолютно убеждена. И ты станешь знаменитым...

Она вдруг рассмеялась: слишком уж огромным показалось ей несоответствие их нынешнего положения с тем, что она пророчила Сведомскому в будущем. Но она была совершенно искренней.

В номере совсем стемнело, и они уже плохо видели друг друга: она — синеватое лицо Сведомского с запавшими, утонувшими в черных ямах глазами; он — пухлогубое, чуть блестевшее на округлостях щек лицо Поли.

— А когда ты станешь знаменитым, ты, конечно, меня забудешь,— сказала она.

И с той легкостью перехода от одного настроения к другому, что было так естественно у нее, она тихонько, просительно полупропела:

«Не забывай меня, голубчик,

Печальна жизнь мне без тебя!..»

Сведомский прижался к ней, уткнулся лицом в ее мягкое плечо.

— Ты мое спасение,— с мелькнувшей надеждой, с чувством вины прошептал он.— Не сердись на меня... Я, может быть, наговорил лишнего, наверно, даже...

— Вот и хорошо, что ты сам понял,— похвалила она.

— Я и сам иногда чувствую, что говорю свинство, и не могу остановиться.

— А ты сосчитай до десяти, прежде чем говорить,— участливо посоветовала она.

— Ну что ты — это же для детей. Просто во мне как будто два разных человека. И они враждуют...— оправдывался Сведомский.— Один все понимает, особенно когда я сажусь за рояль,— все отлично понимает, всем сочувствует... до сердцебиения, за все и за всех переживает. А другой — жутко завистливый, се-

блюбивый. И он берет верх, как только я встаю из-за рояля.

— Ох!— Поля вздохнула.— Что мне делать с тобой? Почему я тебя полюбила?!

— Кто знает, почему любят, почему не любят?..

— А надо всегда знать,— наставительно сказала она.— И я думаю, это у тебя пройдет. Вот мы победим, наступит социализм, и ты успокоишься. А потом... потом нельзя же сразу любить двоих.— Она опять засмеялась.— Я люблю тебя такого, какой ты есть, одного.

— Ты чудо, ты мой якорь спасения...— невнятно пробормотал он, едва двигая губами, прижатыми к ее плечу.

Коридор опять наполнился грохотом сапог — и на этот раз шаги остановились за входными дверями... Сведомский в тот же миг сорвался с кушетки.

Коммунисты все тоже поднялись со своих мест и обступили Снегиря: Батюшков, Махов, Коротеев, Диомидов; к ним присоединился Полупанов — все ждали. Поля подбежала к Снегирю, обернулась и замахала на Сведомского рукой. «Оставайся, где стоишь»,— означал ее жест. Сведомский прижался спиной к стене и не шевелился.

Павла Дмитриевна широко перекрестилась, и ее троеперстие застыло у левого плеча...

— Господи, отврати руку карающую... Анюта, иди, иди, ляг!

За дверями о чем-то, видимо, сговаривались — оттуда доходили неразборчивые голоса.

— Первого, кто войдет, беру на себя,— глядя вопросительно на предревкома, сказал Махов.

Снегирь пока молчал, держа по привычке руки в карманах тужурки и стиснув пальцы,— надо было немедленно решить: напасть ли сейчас, как предлагал Махов, или выждать, сообразуясь с обстоятельствами.

— Командуй, предревкома!— поторопил его Махов.

Но уже не было времени на размышление...

Два раза со звоном повернулся ключ в замке, и колеблющийся, мутный свет пролился из коридора в комнату. В переднюю вошли, вернее, одновременно втиснулись два незнакомых солдата в жестких казачьих фуражках, с шашками наголо. Один высоко в левой руке держал фонарь, похожий на железнодорожный, со свечным огарком за нечистыми стеклами; еще два казака с карабинами на изготовку стояли черными силуэтами в коридоре.

— Привет христолюбивому воинству!— встретил их угрюмо Махов.— Чего людей беспокоите?

Казак с фонарем поигрывал шашкой в своей правой руке, и шашка плоско блестела.

— Кто у вас главный, Снегирем звать?— спросил он лишенным всякого выражения голосом.

Из обступившей Снегиря группы, не дав ему произнести ни слова, шагнул вперед Полупанов.

— Я главный. Что дальше?

— Собирайсь!— скомандовал казак.

— Куда?— спросил Полупанов.— Мне и здесь хорошо.

— Там узнаешь... Ну!

— Не нукай, не взнуздал еще,— сказал Полупанов.

— Я те взнуздаю — рысью побежишь,— тем же деревянным голосом сказал казак.

— А попробуй...

Полупанов обернулся к другим заключенным, остановился взглядом на Снегире.

— Спасибо за хорошую компанию! Не поминайте лихом!

— Что за театр!— Снегирь даже утратил обычное самообладание.— Ваш обман был бы раскрыт через минуту... Но... дайте руку!

Он протянул Полупанову свою.

— И верно... Я ж тебя узнал, ты Волжский Богатырь,— не без восхищения просипел второй казак.— Что удумал, а? Гляди, обломаем тебе ребра, черт косолапый!

Полупанов словно бы обрадовался.

— А давай сейчас!.. Хочешь по правилам греко-римской, хочешь по-русски, на кулаках. Давай, чего ж ты?

— Ладно, погожу,— сказал второй казак.

— Снегирь, выходи!— деревянно скомандовал казак с фонарем.

Продолжение следует.

ВОЗВЫСИТЬ ДУШУ ЧЕЛОВЕКА

Книга эта составлена из очерков, статей, литературных портретов, написанных в разное время, с разными целями. Но это удивительно единая книга, созданная, словно бы писалась она на одном дыхании. Книга не дробится на части, ибо прежде всего это книга публицистики, публицистики яркой, темпераментной и по-настоящему злободневной. В публицистике Михаила Алексеева много общего со всей его художественной прозой.

Советские читатели всегда живо интересуются делами литературными, и М. Алексеев приглашает их заглянуть в творческую лабораторию своих товарищей по перу, дает возможность посмотреть, что делается в писательском цехе. Именно цехе, не в средневековом его смысле, когда это слово символизировало замкнутость и узость, а в смысле сегодняшнем, когда речь идет об одном из самых горячих цехов нашей общественной мысли.

В этой книге Михаил Алексеев рассказывает о себе и о своих друзьях по войне и литературе. Так мы узнаем, как он почти случайно, по приказу командования, стал в июле 1943 года заместителем ответственного редактора дивизионной газеты, как трудны были для него первые литературные опыты. Рассказывает он и о том, как вошел в писательскую семью, какие разочарования пришлось ему пережить на первых порах, как горек подчас оказывается писательский хлеб. И вместе с тем рассказывает о том, какие радости приносит и само творчество и все, что с ним связано. Увлеченно повествует М. Алексеев о встречах с М. Шолоховым, А. Твардовским, А. Довженко, В. Шукшиным и многими другими крупными литераторами эпохи.

Сколько важных свершений, событий вошло в писательскую биографию М. Алексеева, стало частью его жизни, его большого труда! Труда кропотливого, нелегкого, но такого нужного людям. И понятно, что писателя заботят прежде всего дела творческие. Он справедливо обращает внимание на то, что «с некоторых пор социальное, гражданское, народное и партийно-классовое начало, всегда имевшие в нашей литературе решающее значение, в творчестве отдельных наших писателей несколько приглушились, стали выступать не столь страстно и взволнованно, их все чаще стали заменять иные звуки, скорее интимные, камерные, обращенные прежде всего к своему собственному изысканному слуху, к своей утонченно эстетской душе. При этом тона мажорные, естественно, объявлялись лишними, как бы вне художественного закона».

Обосновывая и утверждая свои позиции в литературе, М. Алексеев точно замечает, что «слово — штука весьма серьезная. Оно способно вызвать улыбку у самого мрачного по натуре человека и повергнуть в крайнее уныние непобедимого, казалось бы, весельчака». Именно это преображающее свойство слова вызывает к максимальной ответственности того, кому дано владеть им. Писатель еще и еще раз подчеркивает это, когда говорит: «Брак пагубен в любой работе, в нашей он пагубен вдвойне. Слово может заключать в себе два полярно противоположных заряда: оно может быть разрушителем и созидателем. Оно может покалечить душу человека и возвысить ее. Испорченную деталь исправить легче, чем испорченную душу человеческого существа». Сегодня, когда советские писатели вместе со всем народом вступают в пятилетку качества, эти слова Михаила Алексеева звучат особенно злободневно.

Некоторым читателям иногда кажется, что наши писатели слишком много времени уделяют делам вроде бы и не писательским: заседают, обсуждают, разъезжают, выступают, шефствуют, председательствуют. Но вот читаем мы книгу М. Алексеева и видим: нет, не зря, не напрасно наши прозаики, поэты, критики и драматурги занимаются делами общественными. И эта их работа — ценнейший вклад в нашу жизнь, в наш труд, и без нее не было бы лучших, любимых народом книг. Без повседневного общения с читателями, а вернее, с героями и соавторами своих книг писатели не смогли бы ответить на коренные вопросы своего времени.

«Слово в строю» — это книга и о литературе, и о писателях, и о годах войны, и о годах мирного труда.

Велика и многообразна земля, велика и могуча наша социалистическая Родина. И все это должен охватить взглядом писатель, живущий интересами своего народа. Писателя Михаила Алексеева все интересует в его стране и за ее пределами. И у него свое мнение и о земле, и о космосе, и о хлебе насущном, который приносит нам на стол труд советского колхозного крестьянства. Не стоит заниматься пересказом книги Михаила Алексеева до того, как она попадет в руки читателя. А «Слово в строю» обязательно попадет во многие читательские руки, потому что это книга страстная и откровенная, часто полемическая, с широким охватом фактов, событий, проблем, человеческих судеб и дел, книга своевременная и очень нужная.

Л. ВУКОЛОВ

М. Алексеев. Слово в строю. М., «Современник», «Библиотека «О времени и о себе», 1975, 639 стр.

ЗА СТРОКОЙ ПРОЕКТА ЦК КПСС К XXV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

«БЕЛАРУСЬ» — МАРКА ИЗВЕСТНАЯ

«В ТРАКТОРОСТРОЕНИИ ЗАВЕРШИТЬ ПЕРЕХОД НА ВЫПУСК ТРАКТОРОВ «БЕЛАРУСЬ» МТЗ-80».

Из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии.

Б. СОПЕЛЬНЯК,

фото М. САВИНА,

специальные корреспонденты «Огонька»

Сегодня «Огонек» рассказывает о людях ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Минского тракторного завода, где рождается каждый пятый советский трактор. «Беларусь» — так называется известная во всем мире машина.

ЛЮДИ ОГНЕННОЙ ПРОФЕССИИ

К грохоту привыкаешь еще на подступах к кузнечному цеху. Груды раскаленного металла перестаешь замечать, миновав уже первый пролет. Но вот к землетрясению привыкнуть трудно. Стоящие в два ряда мощные паровые молоты так яростно обрушиваются на беломалиновые заготовки, что земля вздрагивает.

А у молотов сноровисто работают крепкие парни — превращают раскаленные болванки в шестерни и коленчатые валы. Но даже среди них выделяется богатырского сложения человек. Он работает уверенно, с артистической легкостью, иногда, кажется, даже небрежно и, если хотите, лихо. Но как точны его движения, как выверен каждый шаг, каждый удар молота! Подручные едва успевают подавать заготовки и убирать отштампованные шестерни. А нагревальщики вообще отстали.

Вскоре кузнец остановил молот, прикурил от раскаленной чушки сигарету, снял очки и озорно крикнул подручным:

— Будет работа, свистните! — И направился в курилку.

Тут-то мы и познакомились с бригадиром кузнецов-штамповщиков Героем Социалистического Труда Ф. К. Самусевым.

— Красиво работаете, — сказал я.

Герой Социалистического Труда Е. И. Климченко избран делегатом XXV съезда КПСС.

Фото И. Гаврилова.

— Было у кого учиться, — улыбнулся Федор Кононович.— На завод я пришел в пятьдесят втором. Мечтал стать водителем-испытателем, а мне говорят: парень ты здоровый, огня и пальбы не боишься — пацаном я жил в Рогачеве, а он во время войны не раз переходил из рук в руки, — так что давай-ка в кузнечный. Сперва моим учителем был М. М. Ткаченко, он и сейчас у нас трудится. А потом меня направили в Горький, к самому Бусыгину. Многое я у него перенял и, главное, понял, что секрет нашей профессии не в бицепсах, а в смекалке, хорошей реакции, знании норова молота и характера металла. Силенка, впрочем, тоже не помеха, ведь тонн тридцать за смену перевернуть надо.

Так что я всегда с гордостью говорю: я воспитанник и продолжатель дела Бусыгина. У нас-то все знают, что это значит, а вот за границей не раз приходилось объяснять, а то и демонстрировать достоинства этой школы. Помню, как-то в Праге засучил рукава и стал к молоту: за смену сделал десять их норм. Все только руками развели, а я пригласил пражан побывать у нас, в минской школе кузнецов-тракторозаводцев, которая продолжает традиции Бусыгина. Точнее говоря, школы, конечно, нет, просто полцеха — мои ученики.

За дверью раздался пронзительный свист.

— Ишь, шельмы! — довольно улыбнулся Федор Кононович. — Шевелятся. Месяц назад успевал выкурить две сигареты, пока нагреют заготовки, а теперь и одной досмолить не успел.

Бригадир подошел к молоту, нажал на педаль — и работа закипела. Гремел молот, дрожала земля, тлела прилипшая к губам сигарета, одна за другой вылетали шестерни, азартно шуровали щипцами крепкие парни...

«ЛЕВША» — КАЖДЫЙ СЛЕСАРЬ

— Одни считают, что трактор начинается с чертежа, другие — с мартеновского цеха, где варят сталь, а я убежден, что трактор, как и любая другая машина, начинается с измерительного и точного инструмента, — говорит слесарь-инструментальщик Герой Социалистического Труда Е. И. Климченко.— Стоит нам ошибиться на долю микрона — о миллиметрах я уж не говорю,— и трактор превратится в груду шестерен, поршней и цилиндров, которые никто не сможет собрать. Ведь мы доводим до кондиции буквально все измерительные инструменты. А это, поверьте, не простое дело: нужно адское терпение, усидчивость, настойчивость и, не боюсь этого слова, золотые руки. Есть такой прибор — эвольвентомер. Только им можно измерить точность обработки зуба шестерен. В тракторе этих шестерен уйма, и от того, как они работают, зависит качество всей машины. На заводе было два таких прибора, и оба импортные — из ГДР. И вот один эвольвентомер сломался. Можете представить, что творилось на заводе — в ту пору мы боролись за получение Знака качества. Представитель фирмы починил эвольвентомер, и только он уехал, как сломался второй при-

Анна Молокович — сборщица тракторов.

Машины, рожденные в цехах Минского тракторного...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Идет погрузка...

XXV
ДОСТОЙНУЮ
ВСТРЕЧУ

бор. Как к нему подступиться, никто понятия не имел. К тому же вспомнили, что мастер говорил о какой-то одному ему известной тайне эвольвентомера. Конечно же, представителя фирмы можно было вызвать еще раз, но на это ушло бы много времени. А прибор нужен позарез! Тогда я заявил, что уж если Левша когда-то подковал блоху, то я починю этот эвольвентомер.

Дело прошлое, но страху я натерпелся: разобрать-то прибор разобрал, все, что нужно, исправил, а собрать не могу. Хоть плачь! Тогда я и понял «секрет» фирмы: точность обработки такова, что, скажем, поршень никак не входит в цилиндр — практически они одного диаметра, хотя, конечно, какая-то неуловимая доля микрона для зазора была. В конце концов я все-таки собрал эвольвентомер. Теперь он работает как новенький.

Эта история произошла несколько лет назад, и тогда с такой работой мог справиться один я. Теперь у меня немало учеников, которые сделают это не хуже. И я очень горжусь этим! Ведь после войны, когда я пришел на завод, специалистов-инструментальщиков в Белоруссии не было. А сейчас у нас своя школа мастеров, которая растит высококлассных инструментальщиков для заводов всей республики.

Недавно в моей жизни произошли важные события: коммунисты Минска избрали меня делегатом XXV съезда КПСС, а чуть раньше я получил значок «Наставник молодежи» под номером один. Я очень ценю доверие, которое мне оказали товарищи-коммунисты. Надо также оправдывать и значок. А это я понимаю так: сейчас мы боремся за Знак качества для трактора МТЗ-80. Значит, надо готовить еще больше мастеров-инструментальщиков и делать еще более точные приборы.

ТРАКТОРНЫЙ АЙБОЛИТ

Не так уж часто случаются в Минске морозы и сильные снегопады, а в тот день температура была минус двадцать, да еще и пурга. В сборочном цехе тепло, уютно. Мерно движется лента конвейера, трактор постепенно обрастает новыми узлами, и вот он готов, красавец «Беларусь». Но пока за руль не сядет водитель-испытатель, трактор нельзя считать «живым».

Водителей-испытателей на заводе не так уж много, а тракторы сходят с конвейера через каждые четыре минуты, так что работы у этих людей невпроворот. И хотя все они мастера высокого класса, все знают машину, как свои пять пальцев, есть здесь настоящие асы. Класс испытателя сказывается уже в том, как человек подходит к трактору. Один с разбега, как на коня, прыгает в кабину, включает зажигание, дает предельные обороты и опрометью срывается с места. Другой долго стоит на месте, мнется, медленно взбирается на сиденье, вяло включает мотор и нерешительно, бочком трогает с места. Вскоре я понял: это не признак лени, а, говоря спортивным языком, проявление предстартовой лихорадки. Третий подходит к машине по-хозяйски: проверяет комплектность инструмента, осматривает колеса, двигатель, гидросистему, измеряет уровень масла и только после этого потихоньку запускает мотор. Я видел, как это делает А. И. Пациенок. Каждый раз, перед тем как включить двигатель, он на миг замирает. Я его понимаю, ведь он, и только он, дает машине путевку в жизнь.

Разговорились мы у испытательного стенда: целый час трактор работает на месте, хотя задние колеса вращаются на специальных катках; так что время для разговора было.

— Начнем с того, — говорил Анатолий Игнатьевич, — что контролерам ОТК трактор сдает не представитель сборочного цеха, а водитель-испытатель. Так что ответственность у нас немалая. Если же учесть, что все наши тракторы имеют Знак качества, а МТЗ-80 еще только предстоит его получить, сами понимаете, как придирчиво относятся к нам контролеры. А конвейер есть конвейер: кто-то что-то недотянул, недовернул — вот тебе и дефект. Водитель-испытатель обязан обнаружить все слабые места и устранить недоделки своими руками, так что все мы и слесари, и электрики, и бог знает кто еще...

Взять, например, вот этот МТЗ-80. После работы на стенде я проверю все узлы, заново подтяну крепеж и начну обкатывать трактор своим ходом. Причем в самых разных режимах, на разных скоростях. Во время испытаний хоть какой-то «насморк» да выявится. Я должен его ликвидировать и абсолютно здоровый трактор предъявить контролерам ОТК. Само собой, они могут что-нибудь найти и вернуть трактор на доводку. Со мной этого, правда, не бывало. Тут дело в опыте: я научился понимать машину не только на глаз или на слух, но и, если так можно выразиться, на нюх. Это и помогает быстро находить дефекты и так же быстро их устранять. Именно поэтому я сдаю по два трактора за смену, хотя норма — один. Сейчас, правда, малость потруднее — идет новая модель МТЗ-80. Машина замечательная, но так как она новая, «на нюх» ее еще не чую. А в автомобилях и вовсе ни черта не смыслю! — вдруг с досадой признался он.

— А это вам зачем?— полюбопытствовал я.

— Понимаете, по итогам девятой пятилетки я получил Золотую медаль ВДНХ и премию: «Москвич-412». Скоро придет машина, а я в ней ни бум-бум. Стоп! — прервал он себя.— Час истек, пора выгонять трактор на маршрут.

Я высунулся из-под навеса: мороз усилился, да и пурга разгулялась.

— А переждать нельзя? Погода-то не балует.

— Ничего! — сдвигая шапку на затылок, крикнул Анатолий Игнатьевич. — Для нас чем хуже, тем лучше. На то мы и испытатели!

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

В конце прошлого года у минских тракторостроителей был праздник: в связи с досрочным выполнением заданий девятой пятилетки их поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

«Сверх установленного пятилетнего задания, — говорится в приветствии, — народное хозяйство получит свыше 6 тысяч тракторов с маркой «Беларусь», причем значительная часть их будет изготовлена из сэкономленных материалов...

Замечательный труд минских тракторозаводцев по увеличению выпуска высококачественной и надежной сельскохозяйственной техники, освоению производства новых, более мощных и совершенных тракторов является весомым вкладом в практическое осуществление аграрной политики партии».

Беседуя с П. И. Бойковым, генеральным директором Минского тракторостроительного производственного объединения, и главным конструктором И. П. Ксеневичем, я попросил рассказать, как достигли этих успехов и что делается для завершения перехода на выпуск МТЗ-80.

— Начну, пожалуй, издалека, — говорит Петр Иванович. Разговор происходил поздним вечером: дел у директора так много, что днем он не мог выкроить для меня ни минутки.—Мы ведь юбиляры—скоро нам исполнится тридцать, а юбилярам простительны воспоминания и сопоставления. В мае 1946 года было принято решение о строительстве Минского тракторного завода. А я, авиационный инженер, приехал сюда ровно через год. Не могу сказать, что стройка кипела, но работа шла: расчищали площадку, рыли котлованы, поднимали корпуса... Пока занимались строительством, все было более или менее просто. Но вот начался монтаж оборудования, надвигался день пуска завода, а специалистов не хватало. Вы, видимо, знаете, что большинство кадровых рабочих Белоруссии погибло во время войны. В цехах работало много бывших партизан и фронтовиков, у которых было и упорство и настойчивость,— словом, все, кроме квалификации. Пришлось командировать людей на предприятия Москвы, Ленинграда, Урала, Поволжья, где они перенимали опыт лучших кузнецов, слесарей и станочников.

Те, кто остался в Минске, тоже не теряли времени даром: зимой сорок восьмого мы начали производство так называемых «пускачей» — моторов для пуска тракторного двигателя. А вскоре за ворота вышел и первый трактор — гусеничная машина КД-35 конструкции Липецкого тракторного завода. Но мы-то хотели иметь свой трактор! В те годы я работал в конструкторском бюро и принимал участие в создании первого минского трактора. Назвали его МТЗ-2. Вот он, кстати, стоит на постаменте. Восемнадцать лет отработал в колхозе. Он и сейчас, если надо, может пойти своим ходом. Хорошая машина, надежная, крепкая. Словом, первая наша любовь.

Но стране нужны были более мощные, более совершенные машины, и мы непрерывно создавали новые модели. Мне посчастливилось участвовать в разработке абсолютно всех тракторов нашего завода, ведь я прошел путь от рядового инженера до главного конструктора и директорствую всего лишь четвертый год. А о последней модели — МТЗ-80 — пусть расскажет нынешний главный конструктор.

— Наша специализация, — говорит И. П. Ксеневич, — выпуск универсальных пропашных тракторов для сельского хозяйства. Иначе говоря, нет такой работы, которую не могла бы выполнять «Беларусь»,— пахота и приготовление кормов, посев и уборка, внесение удобрений и чисто транспортные операции. Достаточно сказать, что в комплексе с нашим трактором можно использовать 160 машин и навесных орудий. Важно и то, что «Беларусь» не боится ни жары, ни холода и может работать круглый год. Эта универсальность, всепогодность и надежность, видимо, очень привлекают зарубежные фирмы: наши тракторы покупают более чем шестьдесят стран. В 1973 году мы отправили «Беларусь» на испытания в США — в штате Небраска есть специальный полигон. Испытания прошли так успешно, что «Беларусь» внесли в Красную книгу — это значит, что трактор отвечает всем международным требованиям и считается одним из лучших в мире.

Сейчас мы переходим на серийный выпуск МТЗ-80. В нынешнем году из 86 тысяч тракторов изготовим 25 тысяч МТЗ-80. А к 1978 году полностью перейдем на новую модель. Какова ее история?.. Мы задумали повысить производительность машины. Значит, надо увеличить мощность. Это просто: поставили двигатель в 80 лошадиных сил. По нашим расчетам, производительность труда должна была вырасти на 30—35 процентов. Но почему-то этого не произошло. В чем дело? Оказывается, в условиях труда. Создавая новую модель любой машины, ни на минуту нельзя забывать о том, что управляет ею человек.

Есть, если можно так сказать, пять китов, от которых зависит производительность труда: шум, микроклимат, запыленность, загазованность и вибрация. Любой из этих факторов мешает человеку полностью использовать возможности трактора. Мы установили в кабине кондиционер, и тракторист даже в трудных условиях жары легко отработал восемь часов и перевыполнил норму.

Скверно действуют на человека и вибрация и шумы, возникающие при ней. Мы применили на новой модели звукопоглощающую обивку кабины, установили всевозможные фильтры, торсионное сиденье, которое можно подгонять по своему росту и весу... Короче говоря, тракторист будет здесь чувствовать себя не хуже, чем водитель на «Жигулях». Стоит добавить, что управлять трактором стало гораздо легче, что в нем немало всевозможных автоматических устройств, вот потому-то МТЗ-80 и признан лучшим трактором 1975 года.

— Хочу еще сказать, — подвел итог П. И. Бойков, — что и эта модель не последняя. Завод только переходит на выпуск МТЗ-80, а в экспериментальном цехе уже испытываются новые, еще более совершенные машины. Это наш основной принцип: шагать не просто в ногу с нынешним уровнем техники, а хотя бы на полшага впереди.

[redacted]

Кавалер ордена Трудовой славы слесарь-модельщик Юрий Вахромин.

Непрерывная заливка чугуна.

Дизайнеры Евгений Лобач, Людмила Чернова и Геннадий Саенко.

Туристы клуба «Гренада» в походе.

На заводской площади.

Всесезонное купание.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

С. Е. ШАТАЛОВ,
доктор филологических наук

М. Е. Салтыков-Щедрин. Фотография 1880-х годов.

Салтыкову-Щедрину по праву принадлежит одно из первых мест в мировой сатире. Его произведения — настоящая летопись русской жизни 1850—80-х годов. Насыщенная откликами на конкретные события и намеками на известные лица, эта художественная летопись запечатлела по горячим следам важнейшие сдвиги в русском обществе той поры. Пристально вглядываясь в современную ему действительность, Салтыков-Щедрин пришел к твердому убеждению, что именно России предстоит решить те социальные проблемы, от которых зависит будущее всего человечества. Он полагал, что социализм — историческая неизбежность и что Россия первой придет к нему. Но как мучителен будет этот путь для страны, едва освободившейся от гнета крепостничества и все еще остававшейся во власти самодержавия! Как сильны еще были живые пережитки прошлого!.. Страстно обличая их, Салтыков-Щедрин не мог не сознавать с горечью, насколько еще сильны они. Всю свою жизнь он подчинил одной цели: он подрывал идеологические устои самодержавно-крепостнического строя, разоблачал насилие в любой сфере жизни и в любом его виде; он казнил смехом и презрением ложь, пустословие и обывательское примирение со злом.

Михаил Евграфович Салтыков (псевдоним — Н. Щедрин) родился 27 января 1826 года в «благополучной» дворянской семье, детство провел в поместье родителей в селе Спас-Угол Калязинского уезда Тверской губернии, там получил начальное домашнее образование и всегда с содроганием вспоминал об этой поре своей жизни. Что вспоминалось ему? Беспрерывный плач и неумолкаемые детские стоны, колотушки и затрещины, от которых не проходили болячки на ушах; истязания физические дополнялись нравственными: вечные попреки куском хлеба, застращивания, унизительные наказания, чувство полного бесправия, обидные прозвища... «Подобное мучительство покажется чудовищным вымыслом»,— писал он в «Пошехонской старине». Но ни родители, ни окружающие «отнюдь не сознавали себя извергами... Просто говорилось: «С детьми без этого нельзя».

Невозможно забыть такое «опоганенное» детство. И этими воспоминаниями в немалой мере питалось салтыковское неприятие существовавшего правопорядка. Не по чужим рассказам, а по собственным впечатлениям и переживаниям знал он об ужасах крепостничества и о тех надругательствах, которые творились над подневольным народом.

У Салтыкова рано возникло страстное увлечение передовой русской литературой. Ее роль в идейном воспитании будущего сатирика оказалась исключительной: она не только знакомила его с жизнью — она учила его мыслить, духовно раскрепощала его и раскрывала перспективу идейного и нравственного развития. Произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского в то время имели объективно революционизирующее значение.

Эта увлеченность литературой возникла у Салтыкова еще в годы учения в Царскосельском лицее (1838—1844), продолжалась в годы вятской ссылки (1848—1855) и не остывала до конца его дней. Лицей готовил своих выпускников для высших административных постов в Российской империи. Литература спасла Салтыкова от карьеры заурядного губернатора, сенатора или министра. Литература помогла раскрыться необыкновенному дарованию Салтыкова и увековечила его имя в истории национальной и мировой культуры.

Но к ожидавшему его признанию вел долгий путь. Его еще ждали служба в провинции и в Петербурге, пора либеральных иллюзий и разочарование в них. Впереди были годы сотрудничества в журнале «Современник», органе революционной демократии; а после его закрытия — работа в сменившем его журнале «Отечественные записки» (1868—1883): сначала редактором (совместно с Некрасовым), а потом ответственным редактором руководил он этим боевым органом вплоть до его закрытия. Впереди еще ожидает его неустанная, изнурительная борьба с цензурой, изощрившейся в уловлении и истреблении «превратных мнений». И в результате этой борьбы, унесшей здоровье и силы Салтыкова-Щедрина, будет создан тот удивительный «эзопов язык», та всепроникающая сквозь любые рогатки речь обмолвок, намеков, иносказаний, которая позволяла обратиться к читателю с любой — даже самой крамольной! — мыслью.

А пока этот славный путь борца и творца начинался дорогой в ссылку. Внимание властей привлекли две ранние повести Салтыкова («Противоречия» и «Запутанное дело»). Напуганное революцией 1848 года во Франции, правительство Николая I особенно рьяно выискивало крамолу в России и не скупилось на расправы. Не прошло и двух месяцев после ареста, как участь Салтыкова была решена — и вот он «в сопровождении жандарма» уже на пути в Вятку.

Шла весна. Менялись города и селения. Менялось и настроение; молодость брала свое; проходило первое ошеломление, и Салтыкову казалось: ведь и в провинции люди живут! И не ему ли, хотя и ссыльному, но образованному, энергичному, честному, послужить там на общее благо? По мере сил содействовать облегчению участи народа — не в этом ли твое призвание? «Я должен на деле принесть хоть частичку той пользы, которую каждый гражданин обязан положить на алтарь отечества» — так впоследствии Салтыков определил это настроение.

Разочарование в провинции наступило быстро. Страшно узки были интересы вятских чиновников: служба, пересуды, слухи из столиц. Дикой казалась им самая мысль о служении народу: не народу, а государю-батюшке призван служить дворянин — и за это его жалуют чинами и орденами. «О, провинция! ты растлеваешь людей,— восклицает в «Губернских очерках» повествователь, выражая мысли Салтыкова,— ты истребляешь всякую самодеятель-

ГЕНИЙ РУСС

ность ума, охлаждаешь порывы сердца, уничтожаешь все, даже самую способность желать!»

Дворянская интеллигенция России выдвигала из своей среды выдающихся людей, этого никто не отрицал. Но как тонок был этот слой в русской культуре! И какие невосполнимые потери понес он после разгрома декабризма! Немногочисленные единомышленники Салтыкова, близкие ему по убеждениям, находились в ссылке, эмигрировали, разбрелись по своим усадьбам или в считанных кружках Москвы и Петербурга дожидались лучших времен. Дворянскую революционность должна была сменить разночинская, более многочисленная и полнее выразившая интересы народа; к ней-то и примкнула, в нее и влилась сатира Салтыкова-Щедрина.

Чтение и в Вятке оставалось отдушиной для него. Оно восполняло недостающее общение с единомышленниками. Русские журналы и иностранные — какие попадали; серьезные труды по истории; специальные работы по государственному праву — все впитывал он, и все обогащало его пытливый, ищущий ум.

В раздумьях о судьбах России, о положении народа, о собственном месте в общественной жизни пришла к Салтыкову пора идейной зрелости. Пришло, наконец, и отрезвление от мечты о честной чиновничьей службе на благо народа. Чиновник не может быть честным! Даже если он сам не берет взяток и карает берущих. Даже если он поможет отдельному горемыке-простолюдину. Ведь он, оставаясь на государственной службе, охраняет интересы тех, кого это государство представляет — поместное и служилое дворянство, от их имени и ради их интересов обязан он теснить, обуздывать, карать народ. Интересы верхов и низов непримиримы. Императорскую бюрократию нельзя ни перевоспитать, ни перестроить на началах справедливости. Ее нужно сломать, разбить до конца страшную административную машину самодержавно-крепостнического государства. В этом видел теперь Салтыков-Щедрин смысл своего существования.

Салтыков не был одинок в своих размышлениях на эту тему. О том же раздумывали Герцен с Огаревым, Бакунин с анархистами, Чернышевский с Некрасовым и Добролюбовым, а впоследствии народники.

Сломать-то просто, а вот что будет потом? Ведь только анархисты могли надеяться, что из безвластия сама собой родится социальная справедливость. Подобная наивность справедливо отвергалась Салтыковым.

Герцен с Огаревым и другие представители «русского социализма» надеялись на общину и артель. Эти формы общего владения и обобщенного труда будто бы изначально присущи русскому крестьянину: он будто бы в душе уже стихийный социалист, и поэтому ему легко будет вступить на путь некапиталистического развития общества.

Салтыкову были ближе идеи вождя революционной демократии Чернышевского. Силой вырвать у крепостников свободу и землю для народа, сломать старый государственный аппарат и создать новое государство на основе подлинной демократии, которое проведет в жизнь социалистические принципы,— вот что казалось ему наиболее верным и что стало глубинным содержанием его сатиры. Салтыков никогда не участвовал непосредственно в революционном подполье, но передовая молодежь видела в нем своего представителя в литературе. «Наш любимый писатель» — называла его А. И. Ульянова. Очень высоко оценивал его творчество В. И. Ленин.

На почве революционного неприятия крепостничества, самодержавия, капитализма сложились шедевры Салтыкова-Щедрина.

«Губернские очерки» (начаты в 1856 году) — это книга беспощадного обличения всех устоев отживающего крепостничества. «Художества» чиновников-вымогателей, анекдотические нелепости бюрократического правления, различные «повреждения» в психике бездельничавшего дворянства, ужасающая бездуховность — во всем, что попало в поле зрения Салтыкова-Щедрина, он обнаруживает один источник — произвол, возведенный в господствующий принцип русской жизни предреформенной поры.

Куда же смотрит высшее начальство — прокуроры, губернаторы, сенаторы, министры, император? Ведь известно же становилось им о всевозможных взяточниках и казнокрадах. Ведь еще в начале века Карамзин, отвечая на вопрос, можно ли одним словом определить, что чаще всего происходит в Российской империи, сказал: «Крадут». Ведь и самому Николаю I его «всевидящие» и «всеслышащие» жандармы докладывали, что из всех российских губернаторов только двое не берут взяток: виленский А. А. Радищев — потому что честен и памятью отца дорожит, и киевский Фундуклей — потому что страшно богат.

Салтыков-Щедрин в «Губернских очерках» развеял иллюзию о бдительных начальниках, которые будто бы только тем и заняты, что везде и всюду восстанавливают попранную справедливость. Он показал, что верхам удобны именно ретивые исполнители — как обрисованный им городничий-садист Фейер: по приказу начальства «он и в грязь идет, в невозможности возможность найдет, из песку веревку совьет, да ею же кого следует и удавит». Поэтому на его «художества» закрывают глаза.

Правдивое отражение русской жизни в «Губернских очерках» потрясло современников. С болью, с горечью, с ожесточением воспринимали они разящее слово сатирика.

За «Губернскими очерками» последовал ряд новых шедевров Салтыкова-Щедрина.

Продолжая обличение русского чиновничества, он в «Помпадурах и помпадуршах» (1863—1874) изобразил верхи провинциальной бюрократии, а в «Господах ташкентцах» (1869—1872) — их ретивых исполнителей. Щедринские помпадуры-губернаторы вынуждены править с учетом новых веяний в пореформенное время. Одним аракчеевским террором уже не обойдешься: в годы подъема общественного движения приходилось маневрировать и прибегать к социальной демагогии. Помпадур Митя Козелков, существо препустейшее и совершенно «свободное» от каких-либо гражданских принципов, но хитрое и изворотливое, соображает: «...для того, чтобы хорошо вести дела, нужно только всех удовлетворить. А для того чтобы всех удовлетворить, нужно всех очаровать, а для того чтобы всех очаровать, нужно — не то чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы, облизывался». Впрочем, все помпадуры не упускают из виду, что «меры кротости» только тогда действенны, когда дополняются «мерами строгости». Нутро крепостника-садиста нисколько не изменилось, как подчеркивает Салтыков-Щедрин.

Чиновники-ташкентцы в его изображении оказываются особой разновидностью этого сословия: своего рода «чернорабочие» помпадурства, они выступают в роли «прирожденных энциклопедистов». Никогда и ничему серьезно не обучавшись, ничего по существу не зная, они за все с готовностью хватаются, исполняют, не задумываясь, любое приказание, берутся «руководить» в любой сфере. «Ежели мы не изобрели пороха,— рассуждает один из них,— то это значит, что нам не было это приказано... Прикажут — и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут — и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях... прикажите — и мы изумим мир дерзостными поступками... Всякая профессия доступна нам...». По этой-то причине они и незаменимы для помпадуров.

Нельзя забывать, что в изобличаемой Салтыковым-Щедриным русской бюрократии, в образах беспощадно осмеянных правителей достигается то предельное заострение, которое может вызвать опасение: нет ли здесь односторонности в отражении жизни России того времени?

Действительно, подобные типы были явлением распространенным, но не единственным. Крутогорск и Глупов или канцелярские закоулки — еще не вся Россия, а щедринские помпадуры, ташкентцы, градоначальники и «чумазые» промышленники — еще не все русские и никак не могут быть отождествляемы с тем народом, который они эксплуатируют и тиранят. Была и другая Россия, которою мы можем законно гордиться,— Россия Радищевых, Белинских, Чернышевских, народ свободолюбивый и самоотверженный, сыгравший великую освободительную роль в войнах против Наполеона, закабалившего почти всю Европу. И об этой-то России Салтыков-Щедрин никогда не забывал и всегда свято чтил ее.

Однако у сатиры свои законы. Не ее задачей является поэтизация героев и воссоздание тонких лирических движений души. Сатира призвана извлекать из душ человеческих, обобщать и зримо представлять в образах то, что подлежит отрицанию. Сатирик по условиям своего жанра обязан обличать презренное, осмеивать мелкое, казнить низкое.

Размышляя о назначении литературы, Салтыков-Щедрин понимал, что в создаваемых им картинах многое может показаться преувеличением или фантастическим допущением. Сознавая это, он подчеркивал: «Литературному исследованию подлежат не те только поступки, которые человек беспрепятственно совершает, но и те, которые он несомненно совершил бы, если б умел или смел». Надобно «развязать ему руки», допустить возможность абсолютной свободы для него — и тогда-то со дна души его всплывут тайные помыслы и страстные стрем-

Руководящая группа журнала «Отечественные записки»: Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев, Г. И. Успенский.
Гравюра на дереве В. В. Матэ.

КОЙ САТИРЫ

ления: он предстанет таким, каким мог бы стать, но жизненные обстоятельства ему не позволили.

Салтыков-Щедрин широко применял этот творческий принцип в крупнейших своих произведениях. Со дна убогой души глуповских градоначальников («История одного города» — 1870) извлекает он немногие страсти, управляющие их поведением: ужасающую алчность, «безумную отвагу», бросающую их на штурм собственного города, тупое властолюбие, животную ненависть к людям мыслящим. На дне смрадной души Иудушки Головлева («Господа Головлевы» — 1881) сатирик обнаружил мерзкое сластолюбие, лицемерное ханжество и жестокое, поистине паучье бездушие. Если некоторым из его современников позволить «развернуться», то они, по своему потрясающему скудоумию («безграничное легкомыслие», иронически определил сатирик), могут «обратить мир в пустыню». В сказке «Дикий помещик» Салтыков-Щедрин представил осуществленным это нечаянное, но ужасное деяние своего персонажа. В фантастическом образе реализовалось сокровенное желание крепостника.

Зачем же сатирик извлекал из темной бездны этих душ то, что, по всей вероятности, не могло случиться в жизни? «Но берегитесь! — предостерегал Салтыков-Щедрин.— Сегодня он действительно воздерживается, но завтра обстоятельства поблагоприятствуют ему, и он непременно совершит все, что когда-нибудь лелеяла тайная его мысль. И совершит тем с большею беспощадностью, чем больший гнет сдавливал это думанное и лелеянное». Очень многие из фантастических сцен и коллизий в произведениях Салтыкова-Щедрина и представляют подобную реализацию адских духов, скрывавшихся в оболочке благополучных россиян, или трагических для человечества потрясений, которыми грозит очередная административная «шалость» или внешне невинный прожект.

Салтыков-Щедрин по преимуществу писатель социальный и в то же время выдающийся художник-психолог. Именно этим объясняется громадное значение, какое имела его сатира для освободительного движения в России. Он в подлинном смысле исследовал современную ему русскую и западноевропейскую жизнь и в художественной форме изложил полученные им результаты. Большинство созданных им типов представляют собой воплощение новых социальных явлений, нередко еще находившихся в стадии своего возникновения. Причем эти воплощения имеют собственное «я» — со своей точкой зрения на мир и собственной системой нравственных понятий и стимулов.

В его типах не следует видеть некие социологические формулы: это живые лица, воплотившие в себе **художественно** познанную жизнь и являющиеся **образным** обобщением ее. Созданные Салтыковым-Щедриным характеры имеют общее значение и в то же время сохраняют свою неповторимость. Многие из них приобрели нарицательное значение: они явно переросли национальные, социальные и исторические границы породившей их эпохи. И это вполне естественно. Та действительность крепостнического всевластия и капиталистического хищничества, которую обличал Салтыков-Щедрин, давно уже сломана Великой Октябрьской социалистической революцией и отброшена в историческое небытие. Но она еще не везде отжила свой век. В ряде стран еще сохраняют свою силу социальные законы, под воздействием которых когда-то в России формировались типы поведения, получившие название щедринских. И потому в современном мире подчас возникает их запоздалое повторение.

В этом смысле можно и нужно говорить о поразительной **прозорливости** нашего великого сатирика: он с такой точностью изучал и с удивительной логичностью излагал психологические следствия действовавших тогда социальных законов, что его образы кажутся выражением гениального предвидения.

Литературная деятельность Салтыкова-Щедрина содействовала развитию художественного познания нашего народа и всего человечества. Он внес громадный вклад в сокровищницу мировой культуры. Вся его жизнь была подобна подвигу. Незадолго до смерти, «одержимый жестоким недугом», сыну своему он завещал самое заветное: будь честным, гуманным и «паче всего люби родную литературу».

Неустанный подвижнический труд его, и это мужество в борьбе за сплочение передовых литературных сил, эта беззаветная готовность отдать все силы на благо народа, и его страстный мысленный порыв к светлому будущему, к нашей действительности не могут не вызывать ответного чувства признательности к Салтыкову-Щедрину и законной гордости за нашего великого соотечественника.

«История одного города». Рисунок Кукрыниксов.

ЗРИМЫ

«Господа Головлевы». Рисунок Кукрыниксов.

«Дикий помещик». Рисунок Кукрыниксов.

Й ЩЕДРИН

В конце жизни М. Е. Салтыков-Щедрин писал о том, как важно было для него всегда знать, что у него есть читатель-единомышленник, союзник: «...едва ли не его одного я искренне и горячо любил, с ним одним не стеснялся... я даже убежден, что, если бы меня запереть наглухо, оставив в моем распоряжении только «читателя», я был бы вполне счастлив».

Художник-иллюстратор, если он глубокий и тонкий толкователь творчества писателя, и есть такой читатель — друг, единомышленник автора книги.

В золотой фонд советской графики давно вошли иллюстрации к щедринским произведениям, сделанные выдающимися художниками, Героями Социалистического Труда, лауреатами Ленинской премии Кукрыниксами.

В 1939 году зрители познакомились с монументальным трудом этих художников — циклом иллюстраций к основным произведениям Щедрина: к его романам «Господа Головлевы» и «Пошехонская старина», к «Истории одного города», «Губернским очеркам» и «Сказкам».

Иллюстрировать Щедрина нелегко. Чем дальше уходит от нас эпоха, когда творил сатирик, тем сложнее уяснить себе некоторые его иносказания, почувствовать в его смехе, за внешне забавной фабулой произведения всю боль и горечь поборника демократии, заступника «страдальческой среды», как сам писатель называл народ.

В сатирически острых, насыщенных гиперболой, гротеском рисунках Кукрыниксов смех иллюстраторов, вторящих Щедрину, иногда иронически-добродушный, но чаще — уничтожающе-саркастический.

Безжалостно разоблаченными предстают «герои» «Истории одного города» — зловещий Угрюм-Бурчеев, разрушивший в своем административном рвении город Глупов и приказавший «устранить» течение реки, или другой правитель этого «града», Брудастый, имевший в голове «некое особливое устройство» — органчик и способный принять просителя... вовсе без головы. А вот самозабвенно «вопиет», требуя выдачи зачинщиков смуты, прибывший новый градоначальник Двоекуров... На многих листах художники ввели повторяющийся мотив: фигуры крестьян, оборванных детей, покосившиеся, ушедшие в землю домишки с дырявыми крышами, церковь, острог, пожарную каланчу — неизменные признаки нищей России той поры.

Портрет Порфирия Головлева — Иудушки, созданный Кукрыниксами, стал классической иллюстрацией к роману «Господа Головлевы». Художники позволяют читателю пристально всмотреться в лицо этого страшного персонажа в момент, когда тот погрузился в «запой празднoмыслия», строя в тишине своего кабинета «узорчатое здание фантастических притеснений», предался без помех своей любви «мысленно вымучить, разорить, обездолить, пососать кровь» и был по-своему счастлив. В изображении Кукрыниксов Иудушка — садист, лицемер, существо отвратительное и жалкое, действительно выморочное («Выморочный» — назвал главу романа писатель, к которой относится иллюстрация).

В рисунках к сказкам Щедрина Кукрыниксы очень изобретательны, оставаясь одновременно близкими к тексту писателя. Исполненные черной тушью и пером, легким свободным штрихом, их рисунки близки языку злободневной карикатуры.

Интересны умные, злые иллюстрации А. М. Каневского к «Помпадурам и помпадуршам» и к циклу очерков «За рубежом». Часто художник создает рисунки к тексту Щедрина, казалось бы, не поддающемуся иллюстрированию.

В очерках «За рубежом» сатирик размышляет о покорности российской публики, о приливах «предупредительно - пресекательного энтузиазма, во время которых сердце человеческое, так сказать, само собой летит навстречу околоточному». Тем, кто воспринимает подобное положение вещей как естественное для «благоустроенного общества», адресует Щедрин полные сарказма слова: «Мы так мало верим в себя, что даже не пытаемся искать защиты в самих себе, а прямо вопием: господа сердцеведцы! Милости просим!»

Этот отрывок лег в основу чрезвычайно выразительного рисунка Каневского: под сенью могучей крепостной стены (олицетворяющей незыблемость государственного порядка) вереница покорных граждан вручает свои пылающие сердца чудовищу — «сердцеведцу» в полицейской форме, а тот ставит огромную сургучную печать на сердце первого стоящего в очереди, знак, удостоверяющий благонадежность. Решение, найденное Каневским, точное, поражающее сразу двойную цель: художник и демонстрирует пассивность публики и подсказывает, кого следует понимать под «сердцеведцами» с их грязными руками.

Дань великому сатирику отдали советские художники не одного поколения. Создано немало талантливых произведений, среди них работы С. М. Мочалова, А. Н. Самохвалова, В. А. Милашевского, Е. М. Рачева, Ю. В. Ворогушина, М. Б. Мазрухо, М. А. Таранова. Изобразительная «щедриниана» помогает читателю глубже проникать в творчество великого сатирика.

Е. ГРУДИНИНА,
научный сотрудник музея Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
Ленинград.

«Премудрый пескарь». Акварель А. Каневского.

У ИСТОКОВ БОЛЬШОЙ

Ал. РОМАНОВ

Многие годы и десятилетия ссылками на Салтыкова-Щедрина, на его поэтику и «технологию» его творчества начинались любые серьезные разговоры о месте сатиры в художественной литературе, в кинематографе, в искусстве политического плаката и журналистике. А о том, что он довел до огромной художественной выразительности искусство гротеска, что могучий дар комизма — главное орудие его сатиры, что в его смехе, по словам И. С. Тургенева, скрывается «что-то почти страшное», говорится ныне едва ли не в каждой работе, посвященной творчеству великого сатирика.

«Смех Щедрина,— писал А. В. Луначарский в статье «Кинематографическая комедия и сатира»,— был смехом сардоническим, саркастическим, патетическим: и смешно и тяжело — человек смеется, а его душит злоба».

Отличительной чертой этого смеха, отмечал С. М. Эйзенштейн, была «неизбежная социально обличительная нота». «Силу социального осмеяния» по отношению к старому миру и пережиткам прошлого Эйзенштейн рассматривал как главный признак советской кинокомедии.

Не только Эйзенштейн, но и другие выдающиеся мастера русской и советской сцены и экрана рассматривали произведения Салтыкова-Щедрина как неисчерпаемый источник творческих импульсов. Известно, что В. Э. Мейерхольд мечтал поставить щедринскую «Историю одного города». В марте 1936 года в своем выступлении на собрании театральных работников столицы он предлагал «оздоровить» Театр сатиры «учебой на Мольере, Гоголе, Салтыкове-Щедрине». В своих лекциях во ВГИКе С. М. Эйзенштейн не раз подчеркивал необходимость для молодых кинематографистов учиться тому, как великие мастера реализма прошлого (Островский, Щедрин, Пушкин) «писали человека».

Однако практическая экранизация произведений Салтыкова-Щедрина была нелегкой задачей для кинематографа. Именно поэтому советские кинематографисты так редко обращались к творчеству великого сатирика.

Впечатление порой возникает такое, что, столкнувшись с огромной щедринской темой, с ее социальной значимостью и сложностью, кинематографисты словно бы замерли у ее истоков.

Тем не менее советский кинематограф имеет в своем активе по Щедрину два художественных фильма: «Иудушка Головлев», поставленный в 1933 году киностудией «Ленфильм», и сделанная в 1957 году сатирическая комедия «Смерть Пазухина».

Известно, что Салтыков-Щедрин в «Господах Головлевых» показал бесчеловечность крепостничества, обреченность феодально-помещичьего строя. «В течение нескольких поколений,— писал Салтыков-Щедрин о господах Головлевых,— три характеристические черты проходили через историю этого семейства: праздность, непригодность к какому бы то ни было делу и запой. Первые две приводили за собой пустословие, пустомыслие и пустоутробие, последний являлся как бы обязательным заключением общей жизненной неурядицы».

Думается, именно эти неоспоримые достоинства «Господ Головлевых» привлекли к себе внимание Александра Викторовича Ивановского, старейшего русского кинорежиссера и сценариста. Он осуществил еще в немом кино постановку знаменитых художественных лент: «Дворец и крепость», «Степан Халтурин», «Декабристы».

«Иудушка Головлев» стал вершиной творчества этого художника. Прежде всего в фильме «Иудушка Головлев» и сегодня поражает заглавный «герой». Эту роль блестяще сыграл В. Гардин. По отзыву А. Луначарского, Иудушка — Гардин не смешон, а мерзок и страшен. Игравшая Улиту знаменитая актриса Е. Корчагина-Александровская с восхищением говорила об исполнении Гардина: «Именно таким и представляется в воображении Иудушка, когда читаешь «Господ Головлевых».

Острая сатирическая комедия «Смерть Пазухина», поставленная ленинградским режиссером Григорием Никулиным почти через 25 лет после «Иудушки Головлева», в сравнении с фильмом А. Ивановского, несомненно, проигрывает из-за своей явной театральности. Затхлый мир купцов-откупщиков пазухиных и чиновников-мошенников фурначевых показан в этом фильме всего лишь как некое костюмированное представление. Иллюстративный характер фильма не изменился и благодаря убедительному исполнению роли Прокофия Ивановича Пазухина актером В. Полицеймако.

В 1953 году киностудия «Ленфильм» сняла фильм-спектакль «Тени» (режиссеры Н. Акимов и Н. Кошеверова).

К сожалению, в спектакле Ленинградского театра имени Ленсовета «Тени», которые, кстати сказать, шли у нас и на многих других театральных сценах, нашли не лучшее свое воплощение. А киноэкран сделал режиссерские и актерские просчеты театральной постановки еще более заметными. В фильме оказалась словно бы завуалированной щедринская непримиримость к всевластию царской бюрократии; словно бы приглушено бескомпромиссное обличение внутренней гнилости и моральной нечистоплотности правящих классов. Сатирическое отображение постыдной роли либерального краснобайства потеряло остроту. И хотя в этом фильме-спектакле были заняты интересные актеры — достаточно назвать В. Лебедева в роли Клаверова,— единый ансамбль, который соответствовал бы духу щедринской пьесы,— в фильме не возник.

Фильм кажется затянутым, отягченным лишними разговорами и ненужными подробностями, которые не сообщают ему глубины, необходимой кинематографическому произведению.

Следует упомянуть о предпринятой в 1934 году попытке художников Г. Ечеистова, Н. Ходатаева и Д. Черкес сделать по мотивам повести о городе Глупове и его обитателях и «Помпадуры и помпадурши» мультипликационный фильм «Органчик» (режиссер Н. Ходатаев).

Незамысловатая эта лента была далека от совершенства. Но она показала, как велики жанровые возможности экранизации щедринской сатиры, как много может сделать современный кинематограф для ее популяризации.

Н. Бурляев в роли Ивана («Ванька-Каин»).
Фото И. Гневашева.

Сцена из фильма «Иудушка Головлев». В роли Иудушки В. Гардин. Аннинька — Т. Булах.

Таким образом, произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина еще не нашли, по существу, необходимого им воплощения в кинематографе. Это понятно: ведь почти каждый образ в произведениях Салтыкова-Щедрина — это, как правило, образ собирательный, портрет не отдельного конкретного лица, а целой общественной группы. И все же в «Губернских очерках», в «Истории одного города», «Господах ташкентцах» или «Пошехонской старине», наконец, в знаменитых «Сказках» — сколько же здесь интереснейших персонажей, какой богатейший арсенал сюжетов, оригинальных композиционных построений!

Суровый социально-критический реализм творений Салтыкова-Щедрина, его романов, рассказов, пьес, очерков, обозрений, пародий

ТЕМЫ

позволил писателю однажды назвать себя «летописцем минуты». Не забудем, однако, что он считал себя также историком современности. Именно в этом качестве с особой силой проявилось его умение наблюдать жизнь в наиболее острых и типических проявлениях, непревзойденное мастерство выражать эти наблюдения на языке социального гротеска и сатирического портрета.

Кажется, не было такой политической и общественной сферы в современном Щедрину обществе, которую обошел бы его острый аналитический взгляд. Разве в этом не скрыт современный кинематограф?! Типические черты и тенденции народной жизни того времени, разложение дворянства, историческая обреченность крепостничества, разнузданное хищничество нарождающегося класса капиталистов, обуреваемого жаждой обогащения, дикость, жестокость и всевластие царской администрации — глуповских градоначальников всех рангов, карьеризм ждут убедительного воплощения в произведениях современного кино.

Это хорошо понимали и чувствовали, как было упомянуто выше, режиссер А. Ивановский и актер В. Гардин; в меньшей степени удались другие экранизации. Но вот уже в самое последнее время несколько молодых, начинающих кинематографистов добились обнадеживающих результатов на пути постижения щедринского творчества.

В прошлом году выпускники режиссерской мастерской Л. Кулиджанова — Н. Бондарчук, Н. Бурляев и И. Хуциев осуществили постановку дипломных работ на киностудии «Мосфильм». Это цветные короткометражные фильмы по «Пошехонской старине» Салтыкова-Щедрина: «Бессчастная Матренка», «Ванька-Каин» и «Братец Федос» (художественный руководитель Л. Арнштам).

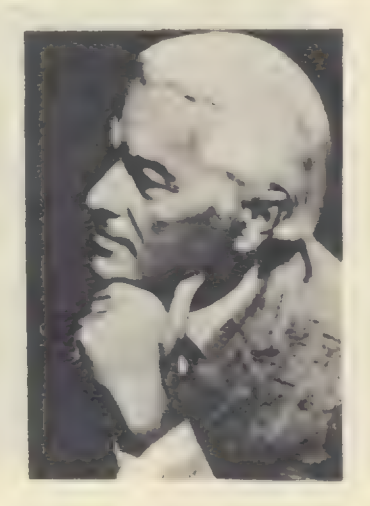
Конечно, внимательные зрители увидят в этих первых работах молодых мастеров и некоторую наивность и неустоявшийся еще творческий почерк. Но есть в этих небольших киноновеллах искреннее желание раскрыть социальный и художественный замысел писателя. В фильмах прорисовывается в высшей степени важная для понимания творчества Салтыкова-Щедрина двуединая тема: забитости, покорности крепостных и одновременно нравственной чистоты простых людей, их свободолюбия и духовного богатства.

В фильмах молодых художников многое идет от щедринской прямоты, резкости, страстности, уничтожающего осмеяния крепостников. Поразительный по своей правдивости и действительно страшный образ помещицы создает народная артистка РСФСР Инна Макарова. Интересны Н. Бондарчук и Н. Бурляев в ролях крепостных людей Матрены и Ивана.

Одновременно появление этих трех щедринских фильмов заставляет вспомнить, что еще в октябре 1899 года Вл. И. Немирович-Данченко, сообщая А. П. Чехову о новых формах сценического искусства, предложенных К. С. Станиславским, писал о возможной постановке множества мелких вещей Чехова, Тургенева, Щедрина, Григоровича, Пушкина; о спектаклях, в которых сценка за сценкой должны меняться «со скоростью синематографа».

К мысли об устройстве в театре «параллельных молодежных спектаклей из одноактных пьес, инсценировок, рассказов, миниатюр и т. п.». Станиславский возвращался неоднократно. И очень важно, что среди авторов неизменно называл Салтыкова-Щедрина.

«...И право, против Щедрина ничего нельзя сказать,— писал он в 1914 году.— Это сатира, но и в ней сказывается русская мощь».

Всероссийский смотр профессиональных русских народных хоров, организованный Министерством культуры РСФСР, вызвал большой интерес у любителей народной песни. Корреспондент «Огонька» обратился к председателю жюри смотра народному артисту СССР профессору В. Г. Соколову с просьбой ответить на некоторые вопросы.

СМОТР ХОРОВОГО ИСКУССТВА

Скажите, Владислав Геннадиевич, какие цели преследовали организаторы этого широкого показа творческих народных коллективов?

Мысль о проведении конкурса русских народных хоров возникла не случайно: с одной стороны, жанр набрал силу, утвердил свое полное право на профессиональную сцену. С другой — бурное развитие хорового пения вызвало разноречивые мнения среди почитателей этого народного искусства. Кстати, сразу должен сказать, что смотр, на котором выступило десять профессиональных русских хоров, ясно и четко доказал, что никаких оснований для тревоги нет, хотя, конечно, вопросы и проблемы, требующие особого внимания, существуют здесь, как и в любом жанре.

Какое впечатление произвел смотр на вас, как на профессионального дирижера-хоровика?

Честно говоря, оно оказалось гораздо более сильным и отрадным, чем даже я предполагал. И в смысле общего, высокого, на мой взгляд, уровня вокально-хоровой культуры, и в смысле царившей здесь прекрасной атмосферы преданности народным истокам искусства. Кроме того, меня именно как дирижера академического хора — совершенно покорила слаженность, единовременность пения без дирижера, особенно в песнях без сопровождения. Почти во всех хорах достигается изумительное, можно сказать, «рафинированное» качество песнопения по всем пунктам требований. Не вызвать восторга оно не может ни у одного человека, хотя бы мало-мальски знающего, что значит петь вместе.

Сегодня, когда в стране так много профессиональных народных хоровых коллективов, наверное, уже можно говорить о типических для этого жанра путях развития?

Да, конечно. Почти все хоры имеют свой почерк, свое отношение к музыкальному материалу.

Творчество одних тяготеет к фольклору — в его первозданном виде; другие пытаются иногда более удачно, иногда менее, но осмыслить фольклор с позиций современных музыкальных взглядов и сценического воплощения; третьи стремятся в своем исполнительстве пользоваться приемами, навеянными урбанизацией нашей жизни... Причем, соглашаясь с необходимостью для современного профессионального русского народного хора обращения к яркому сценическому действу, иногда все же спрашиваешь себя: а где тот рубеж, который разграничивает, отделяет народное представление от эстрадного ревю? Ведь видишь порою, где и когда необходимейшее для руководителя и постановщика чувство художественного такта не позволяет перейти эту черту, а где, к сожалению, они вплотную подошли к ней. Но тут опять должен с радостью констатировать, что на смотре эту грань, по-моему, ни один из коллективов не перешел.

Живы ли у них связи с самодеятельностью?

Все хоры, особенно хор имени Пятницкого, Северный, Кубанский, Воронежский, Сибирский, поддерживают с самодеятельностью самую тесную связь. И, кстати сказать, не только оказывают большое положительное влияние на окружающие их самодеятельные хоры, но и сами испытывают благотворные результаты от соприкосновения с народным творчеством, откуда часто черпают и темы, и песни, и певческие кадры.

А как складывается репертуар народных хоров?

В равной мере и из фольклорных, и из авторских произведений. И это закономерно. Без введения в репертуар, причем самого активного, современной темы, изложенной современным языком, не имеет права обойтись ни один творческий коллектив. Поэтому достойны всяческого поощрения те коллективы, которые ищут возможности выражения современной темы средствами народного хора.

Валентин СИДОРОВ

Из поэтической тетради

1. ФИЛИППИНЫ...

В феврале прошлого года поэт Валентин Сидоров в составе делегации советских литераторов участвовал в работе симпозиума Ассоциации афро-азиатских писателей. Этот симпозиум состоялся в Маниле. Впечатления от поездки легли в основу его филиппинского цикла стихов.

САМПАГИТА

Ах, сампагита, сампагита!
В какую даль ты увлекла!
Какая красота сокрыта
В самом названии цветка!

Когда безмолвствует столица,
Когда дома и люди спят,
С особой силою струится
Твой белый цвет и аромат.

К тебе и власти благосклонны.
Державный стиль
Тебе знаком.
Утверждена
Статьей закона
Ты государственным цветком.

Но, впрочем, ты и без декретов
И юридических затей
Стократ поэтами воспета
Как символ родины своей.

Дрожит рассвет,
Белес и розов.
Мгновенья встречи истекли.
Ты,
Как и русская береза,
Все время просишься в стихи.

ХРАМ

Прохлада тень свою сгустила
В тот нестерпимо жаркий час.
И храм святого Августина
Резную дверь
Открыл для нас.

Своим внушительным фасадом,
Старинной лепкою своей
И всем монументальным складом
Напоминает он
Музей.

И в боковых его приделах,
Где ввысь уходят потолки,
Лежат в шкафах остекленелых
Монеты, бусы и клинки.

Мерцают чинно экспонаты.
Вот барабан.
Вот амулет.
Вот отливают солнцем латы,
Вновь извлеченные на свет.

А со стены
Под гордым стягом
Глядит надменно
Магеллан,
Ступивший
Непреклонным шагом
На берег острова Мактан.

О, как он властно и поспешно
Последний преступил порог,
Забывши начисто, конечно,
Давно зазубренный урок,
Гласивший строго и сурово
Всем тем,
Кто лезет на рожон,
Что меч поднявший
На другого
Мечом и будет
Поражен.

ДЕРЕВЯННЫЙ ПАВЛИН

Он почему-то был
Двуглавым.
Он почему-то
Белым был.
Каким-то жестом величавым
Крыла бесшумные раскрыл.

И солнце трепетно пронзило
Его величественный жест.
Мне объяснили:
Это символ
Друг друга любящих существ.

В молчаньи замкнутого круга
Он,
Этот символ,
Означал
Не подчинение
Друг другу,
А равновесье
Двух начал.

Легенды древние наплыли
Волной своею
И чужой:
А две души
Когда-то были
Как бы единою душой.
Потом пришло
Разъединенье.
Твердь отделилась
От земли.
Рождая страшное забвенье,
Века меж ними пролегли.

И душам должно,
В отчужденьи
Страдая
От незримых пут,
Идти
Сквозь смерти и рожденья,
Пока друг друга
Не найдут.

Ну, а павлин,
Над всей вселенной
Крыла расправивший свои,—
Залог той встречи непременной
И восстановленной любви.

МУЗЫКА

Закат над морем,
Как гвоздика,
И ароматен
И багров.
Гремит старинная музы́ка,
Музы́ка дальних островов.

И в ней так явственны приметы
В забвенье канувших годов.
И в ней уместны
Кастаньеты
И стук бамбуковых шестов.

И вдруг,
Как будто позывные,
Глухую даль
Преодолев,
Звучат
Мелодии России,
Неповторимый наш напев.

О наши ритмы,
Наши песни!
О, как нам снова повезло!
Каким вы чудом здесь воскресли?
Каким вас ветром занесло?

Случайно ль это совпаденье,
Иль не случайно, наконец?
Или все это
Подтвержденье
Родства великого сердец?

Созвучность душ
Творит в безмолвьи
Единый ритм,
Единый такт.
А мы восторженно их ловим.

Скорей всего,
Что это так.

МАБУХАЙ!

Где б мы людей ни повстречали,
Где б ни случилось торжество,
Мы это слово различали,
Мы всюду слышали его.

Оно звучало непреложно.
Оно венчало
Ширь и высь.
Перевести его возможно
Коротким русским словом:
Жизнь.

По смыслу правильно.
Но, впрочем,
Меня сомнение берет:
Боюсь,
Что перевод не точен
И что условен
Перевод.
То слово
Токи излучает,
Заряд возвышенный неся,
И силу жизни означает,
Что побеждает
Всех и вся.

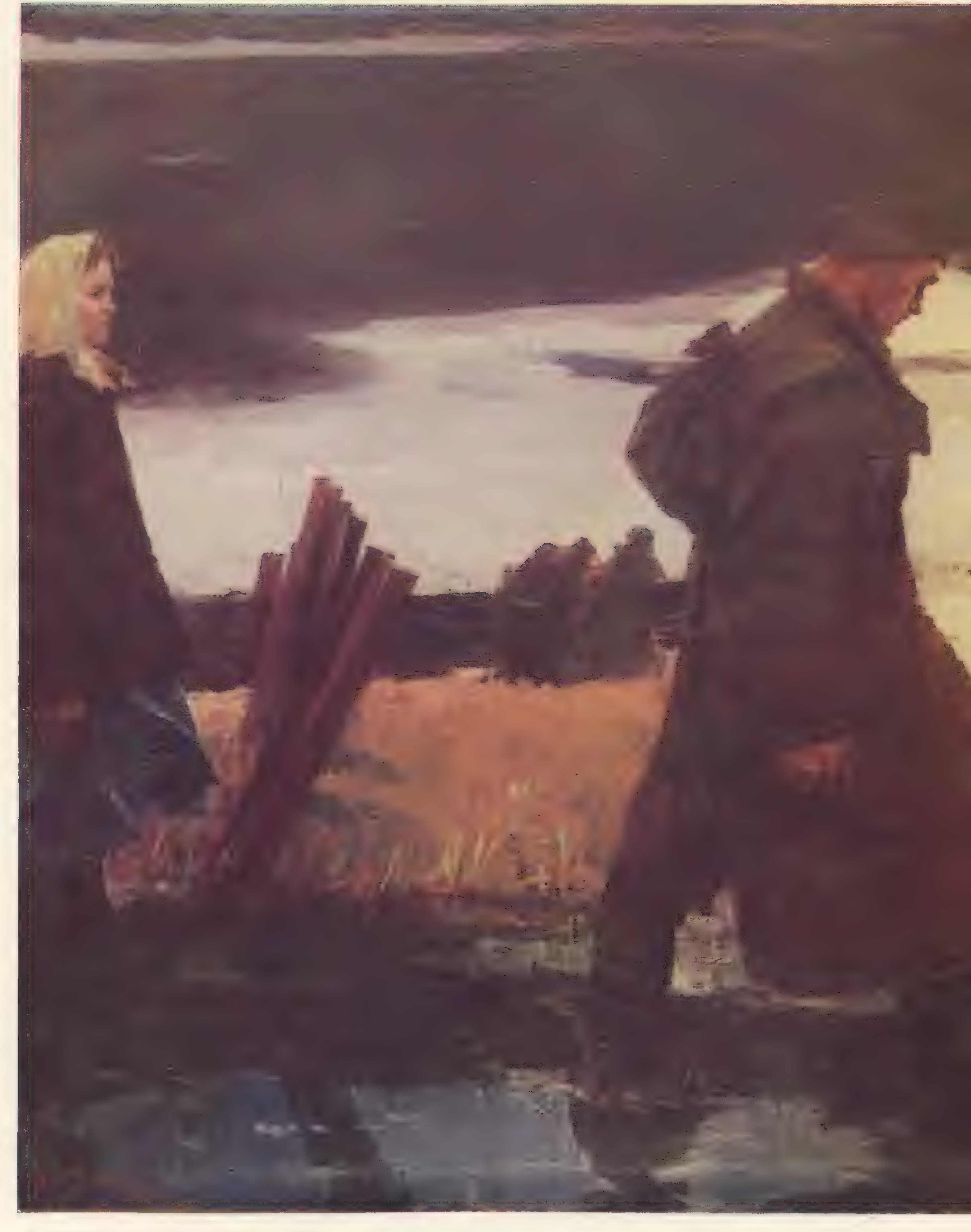
И потому с ним неразлучно
Дыханье
Радостных примет.
И потому ему созвучно:
«Да будет свет!
Да будет свет!»

2. МЫ ГОВОРИМ С ВОЛНОЮ И ТРАВОЮ

Печаль твою
И скорбь твою
Почуя,
Тебя
В свои объятия
Приняв,
Так бережно
Ничто нас не врачует,
Как всплеск волны
И шорохи дубрав.

Мы говорим
С волною
И травою.

В. Гаврилов. ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ. 1959.

В. Гаврилов.
МАЙ. СЕВЕРНАЯ НОЧЬ. 1954.

Ответных слов
Нам пусть не разобрать.
Но только лишь живущее,
Живое
Так человеку может
Сострадать!

●

Отбрось свое физическое тело,
Дабы постичь
Великое родство.
Иди вперед
В незримые пределы.
Но возвращайся
Каждый раз в него.

Но возвращайся.
Радостью наполни
И мысли
И деяния свои.
Что б ни случилось,
Свет небесный помни!
Что б ни случилось,
Свет земной твори!

●

Соприкоснулись дальние светила,
Рождая отзвук в глубине земли.
Космическое время наступило.
Космические сроки подошли.

И, некогда сокрытое от взоров,
В непостижимый замкнутое круг,
Величие надзвездное просторов
В одно мгновенье высветилось
вдруг.

Уже ничто не мыслит о запрете.
Уже ясна связующая нить.
Но как слепому говорить о свете?
О музыке глухому говорить?..

●

Работник ты,
А не избранник,
Освобожденный от всего.
А космос —
Словно виноградник.
И нам возделывать его.

Еще не рано и не поздно,
Но роздымь стелется внизу,
И созревающие звезды
Сгибают тонкую лозу.

●

Удвой в воображеньи
Тишину,
Чтоб ощутить
Хотя бы на мгновенье
Великую
Звучащую волну,
Несущую с собою
Откровенье.

Она твой дух
Опять подъемлет ввысь,
На гребень свой
Тебя выносит снова.
Уходят мысли.
Остается Мысль.
Слова уходят.
Остается Слово.

●

«Уста глаголят
От избытка сердца»,
И воля здесь твоя
И не твоя.
Уже не ты,
Коль пристальней вглядеться,
Словам даруешь
Радость бытия.

Срок наступил.
Исчезла тень былого.
Открылась взору
Горная гряда.
И если вдруг
Твое замолкнет слово,
То будут камни
Говорить тогда.

●

Ты — человек.
Ты — отблеск откровенья.
Ты —
В непроглядной вековечной мгле
Светящаяся точка единенья
Меж всеми существами на земле.

А если гаснет
Эта точка света
И вот стоит
У бездны на краю
Слепая,
Омертвевшая планета —
Ты, значит, предал
Миссию свою.

●

Листва над головою загудела.
Я не спешу.
Я слушаю.
Молчу.
Я в ток бессмертья
Вовлекаю тело,
Приникнув к травам
И припав к ручью.

Какая радость и какое счастье,
Что я давно
К их говору привык.
Познанье наше —
Это лишь участье
Во всех созданьях,
Мертвых и живых.

Слиянье с миром
В миг проникновенный
Непостижимо,
Словно волшебство.
В единстве —
Я команду Вселенной.
Один —
Я не умею ничего.

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

БАКУ

Продлевая жизнь двигателей

В лаборатории Института химии присадок Академии наук Азербайджанской ССР под руководством доктора технических наук, профессора Кевхар Зейналовой синтезирована присадка к зимним моторным маслам, которая предохранит от замерзания смазку двигателей машин и механизмов, работающих на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Тридцать миллионов рублей — таков ее годовой экономический эффект.

Вот уже три десятка лет Кевхар Алиевна занимается химией нефти. Дочь неграмотного плотника, ныне лауреат Государственной премии Азербайджанской ССР, она является обладательницей солидной «коллекции» из 140 печатных трудов и 32 авторских свидетельств на открытия и изобретения.

Бакинский институт — единственный в Советском Союзе специализированный научный центр подобного профиля. Здесь осуществляются синтез и разработка технологии высокоэффективных присадок к моторным и трансмиссионным маслам.

Институт сотрудничает со многими предприятиями страны. Находки и открытия ученых внедряются в производство на Свердловском инструментальном и Челябинском тракторном заводах, на ВАЗе и ЗИЛе, в Ленинграде, Харькове, Астрахани...

Недавно в институте созданы присадки к гидравлическим жидкостям для мощных тракторов, найден способ защиты алюминиевых сплавов от щелочной коррозии, получена эффективная присадка, значительно повысившая антиокислительные качества моторных масел. Ее промышленный выпуск осуществлен на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе имени XXII съезда КПСС.

Одной из интереснейших разработок бакинских ученых является синтез присадки, с применением которой создано трансмиссионное масло для легкового автомобиля «Жигули». Испытания, проведенные на Волжском автозаводе, показали, что такое масло значительно продлевает срок службы двигателей.

Н. БАРСКИЙ

●

ОДЕССА

Сюрпризы морской пены

Приглядитесь к прибрежным полям — на берег накатывают волны, ветер срывает с них пену и гонит ее по земле. Растения, на которых осели хлопья пены, вянут и гибнут.

А в Эстонии, на берегу Финского залива, создается целая мелиоративная система для полива полей морской водой. Первые же опыты дали удивительные результаты: урожай ранней капусты повысился в два раза, ячмень стал более упругим, а его зерно полновеснее. Но вот это-то и удивительно, ведь морская пена губит растения. Однако если ее разбавить водой, то она превращается в препарат, стимулирующий их рост. Все кажется сейчас очень просто, но чтобы прийти к такому выводу, понадобились годы научного поиска.

Началась эта история на другом конце нашей страны, на Черном море, в Одесском отделении Института биологии южных морей Академии наук Украины.

Гидробиолог профессор Ю. Зайцев решал чисто практические задачи — нужно было найти место, где размножается ценная промысловая рыба кефаль. Никто никогда не видел, где она мечет икру, и Зайцев разработал новый метод поиска. С его помощью он нашел то, что искал... А попутно выяснил, что в верхнем пятисантиметровом слое воды у самой границы моря и атмосферы существует целый мир, неизвестный ученым. В тонком слое, хорошо прогреваемом солнцем, находились икринки, личинки, мальки самых различных морских обитателей, бактерии, водоросли.

Открытый советским ученым комплекс организмов получил название гипонейстон. Именно здесь, как в инкубаторе, развиваются сотни и тысячи видов разных рыб. Рыбья молодь обеспечена у поверхности моря и пищей и теплом. Важнейшим условием для возникновения этого микромира является морская пена.

Что же представляет собой морская пена, порождающая такую бурную вспышку жизни? Она постоянно образуется на поверхности морей и океанов из огромных запасов органического вещества, растворенного в воде. Ветер и волны взбивают поверхностную пленку в пену, которая и становится как бы экстрактом этого вещества. Как показали исследования, в ней сосредоточены азот, фосфор, аминокислоты и даже витамины.

Отстой пены, подвергшийся бактериальному анализу, поразил даже видавших виды бактериологов: в одном миллилитре «проживают» тысячи и сотни тысяч бактерий! .

И вот завершена серия опытов по ускорению биологических процессов в растениях с помощью морской воды. В лаборатории института установили, что если концентрированный раствор пены подавляет рост растений, то ее водный раствор обладает стимулирующим действием и для морских организмов и для зеленых растений.

Эстонские специалисты полагают, что разработанная одесскими учеными методика позволит оросить в республике морской водой 20 тысяч гектаров.

Дальнейшие исследования пенного раствора позволили советским ученым сделать вывод, что в недалеком будущем из него можно будет получать и лечебные препараты.

О. ПЕРФИЛОВА

ВЕСТИ ИЗ АКАДЕМИЙ

ФИАЛКА И

В. ВАРЖАПЕТЯН

Здесь, на головоломной горной дороге, один шаг разделяет жизнь и смерть; эта зыбкая грань очерчена зубчатой линией обрыва. Старый грузовик натужно ревет на крутых подъемах, беззаботно летит на спусках; я высовываю из кабины кулак и разжимаю пальцы: пустой спичечный коробок падает не на дорогу, а в пропасть. Еще Бестужев-Марлинский заметил, что министром путей сообщения в Дагестане был сам черт.

Это Лакия, край маленького, отважного, трудолюбивого народа, чья слава перешагнула Страну Гор. Кому не известны веселая отвага цовкринских канатоходцев, мастерство балхарских гончаров, стихи Эффенди Капиева и Абуталиба Гафурова...

Сурова здесь природа. Скалы, раскаленные летом и обледенелые зимой. Облака, которые можно достать рукой. Стремительные, звонкие ручьи, прыгающие с камня на камень. Изредка в тени, на крошечном зеленом лоскуте травы, нежный цветок фиалки.

М. Д. Кажлаев был доктором наук, известным отоларингологом. В бакинскую клинику, где он работал, приезжали стажироваться специалисты даже из Москвы. Врачами стали и его сыновья. Все, кроме Мурада. Отец был огорчен, когда мальчика приняли в группу для одаренных детей при Бакинской консерватории, и очень обрадовался, когда Мурад, окончив школу, поступил на автомеханический факультет индустриального института.

Но Кажлаев вернулся к музыке, поняв, что она главное призвание жизни, судьба; в Бакинской консерватории его педагогом стал профессор Борис Исаакович Зейдман. Он требовал постоянного обращения к классике и фольклору, воспитывая в ученике самостоятельность творческого мышления. «Учись, но не подражай»,— повторял профессор.

Первый большой успех молодого композитора — симфоническая поэма «Памяти 28 героев-панфиловцев» — принес педагогу не меньше радости, чем ученику.

Музыкальный фольклор народов Дагестана открыл Мураду богатейший мир красок, мелодий и ритмов. В поездках по горным аулам родился замысел «Симфонических картин», объединивших чувства и мысли композитора. Произведение о родине, о жизни горцев стало дипломной работой Кажлаева. Сквозь всю симфонию лейтмотивом проходит пленительная мелодия лакской народной песни. Кажлаев заявил этим талантливым сочинением, что период ученичества позади, что его дарование определилось и окрепло, что он обрел собственную манеру письма — острую, яркую, насыщенную неожиданными контрастами, резкими переходами ритма.

Ему было всего двадцать шесть лет, когда он обрел известность как автор крупных симфонических сочинений, камерных и вокальных произведений. Он преподаватель музыкального училища в Махачкале, главный дирижер симфонического оркестра Дагестанского радио. Его «Концертная лезгинка» удостоена золотой медали на международном конкурсе в Вене. На фестивале легкой музыки в Лейпциге восторженную оценку получило «Скерцо для скрипок с оркестром»; дипломом первой степени отмечена на всесоюзном конкурсе пьеса «Трубачи». На III Международном фестивале джазовой музыки в Праге «Африканский концерт» Кажлаева награжден второй премией и призом имени Ярослава Ежика. Он лауреат республиканской Государственной премии и Государственной премии РСФСР имени Глинки.

* * *

Весной 1968 года на сцене Кировского театра в Ленинграде состоялась премьера первого дагестанского балета «Горянка».

— Почему вы избрали именно это произведение? — спросил я композитора.

— Поэма Расула Гамзатова захватила меня сразу: ею зачитывались мы все, от школьников до стариков.

Глубокая жизненная правда поэмы «Горянка» вдохновила композитора на создание

Януш ОСЕНКА

ИРОНИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Польский писатель-юморист Януш Осенка, автор полутора десятков юмористических книг, хорошо известен советским читателям. В нашей стране вышли из печати два его сборника рассказов: «Ухо жирафы» и «Часы с кукушкой».

Януш Осенка — мастер сатирической миниатюры. Писать он начал сравнительно поздно. Осенке было двадцать восемь лет, когда он принес свой первый юмористический рассказ в варшавский журнал «Шпильки».

Для читателей «Огонька» я перевел два его рассказа.

Н. ЛАБКОВСКИЙ

КАК Я НАУЧИЛСЯ ПЛАВАТЬ

В нынешнем году со мной случилось на море происшествие, которое могло испортить мне весь отпуск. Я попал в глубокое место и начал тонуть.

На берегу стоял какой-то человек. Я ему:

— Спасите! Спасите!

А он мне:

— Очень вам сочувствую, но спасателя нету.

Отчаянно махая руками, я крикнул:

— Где спасатель? Спасателя!

— Зря вы дерете горло,— отчитал меня человек на берегу.— Спасатель ушел на лекцию об агломерации. Понятно?

— Понятно. Но я плавать не умею! — забулькал я.— На лекции спасатель должен ходить после работы!

— Вы ни о чем не имеете понятия! — крикнул человек на берегу.— «После работы»!.. После работы у него урок плавания.

— Спасатель должен прежде всего спасать, а не учить плавать,— возразил я, глотая воду.

— Он вовсе не учит плавать,— объяснил тот на берегу.— Он только берет уроки плавания. Сам учится. Спасатель должен уметь плавать или нет?

— Должен,— согласился я, выплевывая воду.— Но должен уметь плавать до того, как он станет спасателем. Это — безобразие!

— Он молодой практикант,— сказал человек на берегу.

— Дорогой! — крикнул я.— Понимаешь, я тону! Брось мне хотя бы спасательный круг!

— Нет круга.

— А где он?

— Спасатель взял его с собой в город.

— Зачем?! — закричал я, чувствуя, как меня захлестывает вода.

— Не мог оставить. Боялся, что кто-нибудь утащит. Он за круг несет материальную ответственность.

— Дубина! — крикнул я.

— Не оскорбляйте меня при исполнении служебных обязанностей. А то вы будете иметь неприятности.

— Вы меня не поняли. Я говорю, нет ли там какой-нибудь дубины,— начал оправдываться я.— Бросьте мне. Я за нее уцеплюсь. Я никого не оскорбляю, я просто тону...

— Ну, это — другое дело,— успокоился человек.

Между тем я продолжал тонуть.

— Спасите! Спасите! — закричал я.

— Ну, кому вы кричите? — пожурил меня человек на берегу.— Ведь я, кажется, вам ясно все объяснил, а вы опять за свое.

У меня блеснула искорка надежды.

— Может быть, вы попробовали бы меня спасти?

— Я не имею понятия, как это делается. Если я стану вас спасать, я тут же сам утону. Я здесь выполняю другую работу.

— Какую? — забулькал я.

— Я переводчик.

— Переводчик?!

— Да,— подтвердил он,— я перевожу на польский язык крики «Спасите», произносимые на иностранных языках тонущими туристами.

КРЕМЕНЬ

большого музыкально-драматического произведения. Спектакль стал выдающимся событием национальной культуры Дагестана. Композитор Андрей Петров писал после премьеры, что Кажлаев на редкость удачно сочетает национальные ритмы с современным мелодическим языком. Дается это не каждому. Выразительность музыки «Горянки» выше всех похвал.

Балет был поставлен в Самарканде, затем в Варне; сейчас готовятся постановки в театрах Англии и США.

Начало пути?.. Середина?.. Кажлаев с улыбкой вспоминает свое первое, детское произведение — романс «Белеет парус одинокий». Но, кто знает, не будь того наивного сочинения, может, не было бы и «Горянки» и многих других работ. Недавно Кажлаев снова обратился к поэзии Лермонтова: завершена работа над произведением для хора «Сосна».

Творчество Кажлаева обширно и многогранно; некоторых исследователей даже смущает столь широкий диапазон творчества Кажлаева: не слишком ли он разбрасывается? Но это — свойство личности композитора, и вряд ли можно назвать его разбросанностью. Скорее это жадность познания жизни и щедрость таланта.

— Беспокойство критиков меня не смущает,— улыбается Кажлаев.— Я не связываю себя ни с одним жанром, потому что люблю все; разделение на «легкую» и «серьезную», на эстрадную и камерно-симфоническую музыку кажется мне довольно условным, во всяком случае, между ними нет непереходимой границы. Я же как раз стремился к выработке единого стиля, объединяющего черты симфонической и джазовой музыки... Вообще идея «серьезного джаза», то есть стиля остросовременного при одновременной содержательности, давно меня увлекает.

Плодотворность поисков Кажлаева убедительно доказана многими его произведениями и, может быть, особенно ярко — «Концертом для джаза».

— С джазом у меня самые близкие отношения,— продолжает композитор.— Последняя моя работа с ансамблем фирмы «Мелодия» — пластинка «Крутые повороты». Это четырнадцать пьес, написанных в разных жанрах джазовой музыки.

Разумеется, цель поисков композитора не создание симфоджаза (он давно создан), а проторение собственного творческого пути.

— Страсть к национальной музыке во мне с детства. Наверное, она определила и мои интересы и маршруты моих путешествий в разные страны. Вспоминаю поездку в Мали. Меня поразил ансамбль тамтамов, знаменитая африканская полиритмия. Это невероятное сочетание, когда играют десять барабанов — каждый свое, а все вместе дают поистине фантастический ритм. Но вот что интересно. Встретившись с Панка Бинделла, руководителем ансамбля ударных, я прокрутил на магнитофоне привезенные с собой записи. Малийским музыкантам так понравились дагестанские ритмы, что я тут же услышал нечто подобное в их исполнении. А когда я исполнил на тамтаме лезгинку, один из них воскликнул: «Это же наша музыка!»

Я вам уже говорил, что среди инструментов у меня нет «любимчиков», но одну группу я бы все-таки выделил — ударные.

— Мурад, какая встреча с зарубежными композиторами и музыкантами особенно запомнилась?

— Встреча в Нью-Йорке с Дюком Эллингтоном; я тогда подарил ему свой «Африканский концерт», который он впоследствии исполнил. Мы встречались в студии Си-Би-Эс, где Эллингтон репетировал и записывал свои выступления. Там я впервые услышал от него, что он мечтает побывать в Советском Союзе. Очень рад, что его желание исполнилось.

Композитор побывал во многих странах, музыка разных народов переполняет его. Но не заглушает песен Родины.

Лакия... Скалы, раскаленные летом и обледенелые зимой. Облака, которые можно достать рукой. Стремительные ручьи, прыгающие с камня на камень. Изредка в тени на крошечном зеленом лоскуте травы нежный цветок фиалки...

Фиалка и кремень для лакцев — символ любви и мужества.

Мужеством и любовью полна музыка Мурада Кажлаева.

— Зачем вы переводите?

— Затем, что спасатель, обслуживающий иностранцев, не знает иностранных языков.

Я взбесился и стал размахивать руками в воде так ожесточенно, что научился плавать.

Одним словом, если я не утонул и сделался неплохим пловцом, так это только благодаря спасательной службе на наших пляжах.

ПЕРЕСДАЧА

Я ел суп в ресторане «Амбасадор». За соседним столиком сидел в одиночестве мужчина с мрачным выражением лица и смотрел по сторонам. Не знаю, как это получилось, но я неудачно хлебнул из ложки, подавился, и суп прыснул у меня изо рта.

Мужчина подошел к моему столику и сунул мне под нос какой-то значок.

— Инспектор культурного поведения,— представился он.— Вы прыснули супом.

— Что вы? — попытался изобразить я крайнее удивление.

— Отвертеться вам не удастся. Сделана фотография и магнитофонная запись. Прошу ваш документ,— строго сказал инспектор.

— Документа нет, я его съел.

— Попрошу не хулиганить,— рассердился он.— Культурный человек не хулиганит.— Он записал мою фамилию и адрес.—Пришлем повестку на пересдачу.

— Ой, только не это! — воскликнул я.— Может быть, ограничимся вызовом на лекцию?

— Нет, это — серьезное нарушение. Прыскать можно в хлеве, а не в первоклассном ресторане. Если гражданин прыскает в ресторане, то гражданин может и сморкнуться на проспекте.

— Товарищ инспектор, я...

Но инспектор уже зафиксировал второе мое нарушение.

— Не горбиться, гражданин, не горбиться! Сидите прямо, не лезьте носом в тарелку. Платите, гражданин, сто злотых штрафа.

Если не везет, так не везет! На лекцию еще можно сходить, хотя и жаль воскресенья. Но пересдача!.. Этак можно лишиться прав посещения ресторанов первого класса. Дадут талон № 2, и будешь таскаться по молочным барам второй категории. Могут еще лишить права хождения по главным улицам.

Как одержимый я двое суток напролет зубрил правила культурного поведения.

И вот я в инспекции. В коридоре толпится народ.

— За что вас на пересдачу?

— За суп.

— Ясно. Прыснули... А меня застукали на улице. Платочек из карманчика торчал ниже нормы.

— А я был недостаточно надушен.

— Придираются по каждому пустяку!

— Да! С культурой поведения шутки плохи. На переходе улицы, понимаешь, они ставят фальшивую старушку. Кто не остановится, чтобы перевести ее через улицу, того сразу посылают на пересдачу. Крючкотворы!

— Шурин на минутку выскочил из дома за четвертинкой. В спешке набросил на себя только пиджак и кашне. В очереди к нему подходит инспектор и спрашивает: «Где, гражданин, ваша сорочка?» И теперь целый год будет ходить на лекции в Дом мод...

По коридору прошел молодой человек в сопровождении двух инспекторов.

— Пил из бутылки,— сказал кто-то шепотом.— Взяли его в фойе кинотеатра.

Наконец выкрикнули мою фамилию...

Комиссия состояла из трех человек. Я старался вежливо улыбаться, но лица членов комиссии были строги.

— Вот вам порция устриц,— сказал председатель,— и графинчик белого вина. Ешьте и объясняйте.

Я почувствовал облегчение. Хотя устриц я никогда не ел, но читал, как с ними обращаться.

— Вскрываем ножичком одну из устриц,— начал я.— Половиной раковины вырезаем мякоть и проглатываем ее, не разжевывая...

— Хорошо,— сказал председатель,— достаточно! — И тут же забрал у меня устрицы и вино.

Второй член комиссии протянул мне салфетку.

— Покажите, гражданин, как вы ею пользуетесь и как складываете после пользования.

Я взял салфетку и положил ее на колени. Потом вытер ею губы. Смятую салфетку оставил на столе. К счастью, я слышал, что после того, как салфеткой воспользовались, складывать ее не полагается. Мне удалось избежать западни.

— Гражданин знает материал,— признался третий член комиссии.— А теперь еще вопрос, просто так, для проформы. Чего нельзя делать после того, как вы причесались?

— Нельзя дуть в расческу! — выпалил я с облегчением.

На этот раз мне повезло. Меня отпустили с миром.

Дома, в тесном кругу, я отвел душу. Ел и пил, чмокая и фыркая. Открыл бутылку шампанского и выдул содержимое прямо из горлышка. Потом закусил гусиным паштетом, слизав его с газеты. Фффу!

А может, пора инспекцию культурного поведения ввести и у себя дома?..

ИЗ ЗАПИСОК ПРОКУРОРА

КТО ВИН

Михаил **МАЛЯРОВ**

Такая уж моя профессия, что многие явления жизни стараюсь рассматривать с точки зрения закона. Такие словосочетания, как, например, экономика и закон, дорожное движение и закон, торговля и закон, стали настолько привычными, что ни один директор завода, шофер или продавец не приступит к работе, не ознакомившись с правилами и обязанностями, регламентированными законом. Это норма жизни. А теперь возьмем другое словосочетание, которое, может быть, у читателей, особенно молодых, вызовет ироническую улыбку: любовь и закон. На первый взгляд это несовместимо: строгие, конкретные, неоспоримые статьи и параграфы и тончайшее из человеческих чувств — любовь. Но в том-то и дело, что незнание статей закона или произвольное их толкование может привести к драматическим последствиям.

В архивах, как на дне моря, хранится немало историй, порой трагических. Об одной из них я хочу рассказать, разумеется, не называя подлинных имен действующих лиц...

Хотя старшему следователю городской прокуратуры советнику юстиции Ивану Михайловичу Конькову приходилось уже заниматься подобными делами, однако на сей раз ситуация была очень сложной.

Они только что покинули его кабинет, не старые еще супруги Поповы. Конечно, их горе безмерно: потерять дочь, которой едва за двадцать, потерять так бессмысленно...

Тамара Попова работала в одном из магазинов города. Жизнерадостная, внешне очень привлекательная девушка, только не совсем серьезная, порой, можно сказать, легкомысленная. Так говорили о ней товарищи по работе. И вот сейчас Тамары уже нет: покончила жизнь самоубийством. А виновны в гибели, по мнению родителей, двое: студент Сергей Логинов и товаровед Андрей Григорьев, которые довели ее до самоубийства, отказавшись на ней жениться.

Итак, виноватых двое!.. Было над чем задуматься следователю. И вот побежало перо по бумаге:

«...рассмотрев материалы по факту обнаружения в подсобном помещении магазина № 5 трупа гражданки Поповой Тамары Константиновны, постановил: руководствуясь статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, по данному факту возбудить уголовное дело и принять его к своему производству...»

Оставим пока следователя с его раздумьями и попытаемся разобраться, кто же виноват в смерти Тамары Поповой.

Читателю, наверное, известно, что никто не может считаться виновным, пока его вина не будет установлена судом. Подчеркиваю: судом, а не следователем или прокурором. Итак, следователь должен установить, какими незаконными действиями Сергей Логинов и Андрей Григорьев довели Тамару Попову до самоубийства, виновны ли они вообще в этом преступлении или не виновны.

Что же было установлено тщательно проведенным следствием?

3 ноября Тамара Попова познакомилась со студентом Института торговли Сергеем Логиновым. Через несколько дней он пригласил ее на свой день рождения. Было много гостей. Много пили и веселились. Пила и Тамара. А что было дальше, она помнит слабо, вернее, совсем не помнит. Домой пришла только утром. Долго и безутешно плакала. В разговоре с подругами высказывала мысль о самоубийстве, хотела идти к директору института с жалобой на Сергея, но подруги ее разубедили.

Сергей был заметно расстроен и подавлен. Сперва он говорил Тамаре, что ничего страшного не произошло, пытался успокоить, но она продолжала плакать и твердить, что жизнь ее кончена и во всем виноват он, Сергей. Не знаю, испугался ли Сергей действительно или говорил искренне, что любит Тамару, что все обойдется, и наконец, заявил, что они поженятся.

Тамара успокоилась, повеселела, и через несколько дней Сергей и она подали в загс заявление о регистрации брака. Через месяц должна быть свадьба. Должна. Но время идет, а жених о свадьбе вспоминает все реже и реже. На свидания является неохотно или не приходит вовсе, в конце месяца, встретив Тамару на улице, пытался сделать вид, что не заметил ее, а затем без всяких предисловий заявил, что свадьбы не будет, так как он передумал. На слезы и упреки Тамары у Сергея был один ответ: «Передумал, не сошлись характером».

— Ты мне испортил жизнь! — кричала Тамара.

— Сама виновата, я тебе ничего не должен. Не женюсь, и скандалов мне не устраивай. Если хочешь, можешь на меня жаловаться, а насильно женить — такого закона нет.

Тамара идет в институт, где учится «обидчик», идет в комсомольскую организацию. И добивается своего: Логинова отчисляют из института, исключают из комсомола...

Так закончилась первая часть печальной истории, в которой тесно переплелись легкомыслие, безнравственность и трусость.

* *
*

Пусть не так сурово, как хотелось, но все же «обидчик» Сергей Логинов наказан. Он надолго запомнит ее, Тамару Попову, не раз еще пожалеет о том, что пренебрег ею. Чувство мести удовлетворено.

Прошло три месяца, и Тамаре кажется, что она снова любит. Конечно, более порядочного, чем Сергей, парня, более достойного.

Что ж, жизнь есть жизнь, и от любви никто не застрахован. В том она и заключается, великая сила большого чувства, что оно помогает старым сердечным ранам зарубцеваться.

На работе уже все знают, что Тамара Попова — невеста молодого товароведа Андрея Григорьева. Многие искренне рады ее счастью, готовят свадебные подарки. Тамара счастлива, Тамара шьет белое свадебное платье... И вдруг — гром среди ясного неба!

«Директору Дворца бракосочетаний от Григорьева А. Н.

Заявление

Ранее я подал заявление о регистрации брака с гражданкой Поповой Т. К. Взвесив все и узнав о ней более подробно, прошу аннулировать мое заявление и считать его недействительным».

Впоследствии, на допросе у следователя Конькова, Андрей так объяснил мотивы своего поступка:

«После того как меня познакомили с Тамарой Поповой, мы несколько раз ходили в кино, кафе, пили вино, танцевали. Мне показалось, что я был влюблен в Тамару. Мы объяснились и подали в загс заявление с просьбой зарегистрировать наш брак. Тогда же я пригласил Тамару домой и познакомил с родителями. Моя мать не была в восторге от этой новости, считая, что мы мало знаем друг друга и что с женитьбой нужно подождать. Потом мы пошли к родителям Тамары. Они были сговорчивее. Через несколько дней я узнал от своей сестры о близких отношениях в прошлом Поповой с Сергеем Логиновым. Я даже немного знал его, но мне и в голову не приходило, что из-за моей теперешней невесты его исключили из комсомола и института. С учетом всего сказанного я решил, что мне такая жена не нужна».

Нетрудно представить, каким все это было ударом для Тамары, главным образом для ее самолюбия. Задет престиж, подорван авторитет в глазах друзей и родителей, которые купили уже свадебные подарки. Да и сам по себе факт, что в течение трех месяцев два жениха отказываются от нее, что-то значит. Конечно, это горько и обидно. Но кто в этом виноват? Что Тамара успела узнать о своем новом женихе за десять дней знакомства? Она не знала даже о том, что у него есть ребенок от девушки, на которой он в свое время отказался жениться. Более того, желая «закрепить» за собой Андрея, Тамара буквально на третий день знакомства вступила с ним в близкие отношения.

Не нужно быть большим психологом, чтобы понять, что здесь не было и намека на любовь, была лишь попытка во что бы то ни стало оформить брак. Но как это сделать, если и Андрей от нее отказался?

Шаги, предпринятые Тамарой, может быть, казались ей разумными, но на самом деле они были поспешными, опрометчивыми, несерьезными и в конце концов привели к трагической развязке.

Работая вместе с Григорьевым в одной системе, Тамара буквально не давала ему прохода, настаивала, чтобы он изменил свое решение. Андрей оставался непреклонным. И вот однажды...

Последнее время Андрей Григорьев старался не бывать в магазине, где работала Тамара. Понять его можно: бесконечные разговоры, просьбы, слезы — всегда одно и то же. А зачем? Любил ли он раньше эту девушку? Наверное, нет, потому что настоящее чувство быстро не проходит. Должно быть, просто она ему была симпатична. Но когда он узнал историю с Логиновым, от симпатии и следа не осталось.

В тот день ему пришлось все-таки побывать в магазине № 5. Разумеется, кто-то сообщил об этом Тамаре. И когда он вышел оттуда, она поджидала на улице.

— Андрей, я хочу сказать тебе...

— Зачем?— перебил ее Григорьев.— По-моему, все уже сказано и пересказано!..

— Прошу, послушай меня... В последний раз послушай...

Андрей не ответил. Зашагал, глядя прямо перед собой. Тамара шла рядом, говорила сбивчиво и торопливо:

— Да, Андрей, я виновата... Может быть, я человек, не стоящий любви, может быть... Но ведь еще совсем недавно ты ко мне хорошо относился. Пойми, мне очень тяжело... Я думаю даже, что жизнь моя загублена...

Она помолчала.

— Если захочешь, ты можешь мне помочь,— продолжала Тамара.— Не бойся, я не прошу твоей любви. Все проще.— И тут голос девушки изменился. Стал твердым и даже надменным. Андрей удивился перемене, посмотрел на Тамару, а та и внешне изменилась: глаза сверкали, губы скривила презрительная улыбка.

— Ты... что?— спросил он.

— А то!— жестко ответила Тамара.— Что ни твоя любовь, ни ты со своей бесхребетностью мне не нужны!

ОВАТ?

— Тогда зачем весь этот разговор?

— А затем, что ты сделаешь, как я захочу, иначе!..

— Что иначе?— возмутился Андрей.

— Увидишь, честное слово, увидишь!— выкрикнула Тамара.

— Хватит,— сказал Андрей, остановившись.— Что тебе нужно?

— Мне нужно, чтобы мы зарегистрировали брак,— сказала она твердо.— Мне нужно, чтобы была свадьба, а месяца через два катись на все четыре стороны!..

— Ишь ты какая!

— Да, вот такая. И тебе лучше согласиться, иначе...

— Опять «иначе»? Не боюсь я тебя, понимаешь, не боюсь! Это ты Логинову могла напакостить, а мне бояться нечего. Никаких дел с тобой иметь не желаю. Ясно?..

Так они расстались. А несколько дней спустя Тамара пришла к Андрею на работу. В присутствии нескольких находившихся в комнате сотрудников заявила:

— Ты меня обманул. Если не образумишься — пеняй на себя: я жить не буду!— крикнула она и выбежала из комнаты.

Потом выяснилось, что о своем намерении она говорила и у себя на работе и дома.

Шли дни... Все, кто был посвящен в дела Тамары и Андрея, подумали, что гроза миновала, что все уладилось, что молодость и время возьмут свое, что Тамара забудет о своих угрозах. Однако, к сожалению, это были не просто угрозы. Непоправимое случилось...

Вряд ли надо говорить, как велико было горе родителей, потерявших дочь! Чисто по-человечески можно понять их желание найти истинного виновника и строго наказать его. Супруги Поповы утверждали, что виновны двое — Сергей Логинов и Андрей Григорьев. Первый изнасиловал их дочь и, отказавшись жениться, надломил ее хрупкую душу. Второй бездушным своим отношением довел Тамару до самоубийства.

Оба они, по мнению родителей Тамары, отказавшись жениться на ней, отнеслись к ее переживаниям бездушно, издевательски, травмировали ее психику и довели до самоубийства.

Родители настаивали на привлечении виновных к строгой уголовной ответственности.

Следователь возбудил уголовное дело против Сергея Логинова и Андрея Григорьева по признакам статьи 107 Уголовного кодекса РСФСР, которая гласит: «Доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства наказывается лишением свободы на срок до пяти лет».

А теперь проанализируем содержание этой статьи применительно к обстоятельствам данного дела. Находилась ли Тамара в материальной или какой-либо иной зависимости от Андрея или Сергея? Нет, не находилась. Обращались ли они с ней жестоко или, может быть, систематически унижали ее достоинство? Тоже нет. В чем же тогда их вина? В том, что они отказались от своего намерения зарегистрировать с ней брак? Но ведь это — их законное право, как, впрочем, и право Тамары. Принуждать кого-либо к вступлению в брак не только аморально, но и преступно. В нашем обществе, где люди, желающие вступить в брак, не находятся в экономической или иной зависимости друг от друга, есть только одно условие для заключения брака — взаимная любовь. Существовала ли такая любовь между Андреем и Тамарой? Думаю, что любви там не было.

Тут уместно вспомнить слова Ф. Энгельса: «Если нравственным является только брак, заключенный по любви, то остается нравственным только такой, в котором любовь продолжает существовать». Именно поэтому закон разрешает развод, то есть расторжение брачного союза, если супруги убедились, что любовь исчезла или ее вовсе не было.

Ведь именно для этого и устанавливается органами загса определенный срок от момента подачи заявления до регистрации брака. Вот почему обвинение, которое было предъявлено Андрею Григорьеву и Сергею Логинову, неправомерно.

К сожалению, старший следователь городской прокуратуры И. М. Коньков не сумел во всем этом разобраться. Делу № 115 был дан ход. И лишь после вмешательства Прокуратуры СССР оно было прекращено.

* * *

Мне довелось прочитать немало писем, авторы которых осуждают или защищают поведение действующих лиц этой трагедии. Да, и Сергей Логинов и Андрей Григорьев, может быть, в разной степени, совершили поступки, противоречащие нормам морали и нравственности. Однако, рассматривая это дело с юридической точки зрения, хотелось бы напомнить, что нельзя смешивать нарушения нравственных принципов с нарушением закона и использовать закон как средство запугивания или защиты прав, которые фактически не были нарушены. Тем более в сфере таких сложных человеческих взаимоотношений, как любовь.

Статья «Заботы коллективного садоводства» («Огонек» № 30 за 1975 год) вызвала много откликов читателей. Публикуемый обзор обобщает предложения и пожелания, высказанные в этих письмах.

ЗАБОТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО САДОВОДСТВА

В течение многих лет, не испытывая забот, развивались коллективы садоводов. Тревога стала одолевать их в 1974—1975 годах, когда началась инвентаризация земельных участков. В трудном положении оказались не только садоводы, но и администрация, общественные организации предприятий, учреждений, под эгидой которых были организованы садоводческие коллективы. Многие из них, например, такие, как «Большевичка», «Энергетик», «Здоровье» и другие, существуют уже долгие годы, и люди здесь вложили огромный труд, значительные личные сбережения на устройство водопровода, проводку электричества, дренаж дорог, постройку небольших сараев...

Все эти работы проходили на виду у администрации предприятий, профкомов, исполкомов райсоветов. И никто не препятствовал. Значит, жизнь на маленьком земельном участке идет так, как она должна идти.

И вдруг после инвентаризации 1974/1975 года всполошились руководители предприятий, исполкомов райсоветов: а в точности ли соблюдается закон о коллективном садоводстве, принятый десять лет назад,— постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС о коллективном садоводстве? Но ведь правильно понять закон — не такое простое дело. Реальная жизнь порой наполняет его новым содержанием.

Например, простой вопрос, интересующий всех: можно ли установить печку на садовом участке? В законе нет запрета, но нет и разрешения. А как быть? В Челябинской, Свердловской, Московской, Ленинградской и других северных областях жить без печки с середины апреля до середины сентября да и во всякое другое время, когда прохладно, невозможно. Кроме того, готовить пищу, греть воду на керосинке, примусе, электроплитке опасно в пожарном отношении. К тому же дорого и неудобно. Где выход? Большая часть садоводов устанавливает печи в домике или в сарае. А местные исполкомы, к которым нередко присоединяются администрация и общественные организации предприятий, учреждений, считают, что печки устанавливать на садовом участке нельзя, хотя в законе нет запрещения.

Такое же различное толкование закона возникает и тогда, когда речь заходит о чердаках: если они используются как место для склада вещей, то это считается правильным, а если для жилья, то их уже объявляют «излишней площадью», подлежащей изъятию.

Нет в законе данных о размерах сарая. Но некоторые областные исполнительные комитеты дали такое указание бюро технической инвентаризации: сарай не должен быть более 6 квадратных метров. Когда же садоводы строят сарай в 10—15 квадратных метров, устанавливают там печку и пользуются им как кухней, то это уже считается противозаконным: излишек, второй дом, подлежит сносу. Конечно, садоводам, имеющим большие семьи, в составе которых и престарелые, и инвалиды, и дети, трудно с этим согласиться. Им не разместиться на двадцати пяти квадратных метрах полезной площади. К тому же закон и не устанавливает размеры сарая, душевой и не запрещает устанавливать в каждом доме печное или иное отопление.

Коллективное садоводство — большое дело. Это одно из проявлений заботы Советского государства о повышении материального благосостояния наших людей. Не могу не напомнить строки из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии: «Способствовать организации и улучшению деятельности садовых товариществ рабочих и служащих». Между тем приходится слышать от некоторых товарищей, что коллективное садоводство — ненужное и даже вредное дело. Откуда такие суждения? Да, в семье не без урода: есть случаи беззакония, стяжательства, алчности человека, для которого сад стал источником наживы. Но разве можно на основе этих отдельных случаев делать выводы о всей многомиллионной массе садоводов.

Миллионы рабочих и служащих многие годы добросовестно, с пользой для общества и для себя трудятся в садоводческих коллективах. И ничто не может и не должно помешать им пользоваться благом, дарованным им государством.

Различное толкование закона позволяет по-разному решать практические вопросы садоводческих коллективов. У правления коллектива — одна точка зрения, у руководителей предприятия—другая, у общественных организаций того же предприятия—особое мнение. И, наконец, у местного исполнительного комитета — особое решение. Отсутствие органа, который руководил бы коллективным садоводством, осложняет здесь решение многих жизненно важных проблем. Авторы писем в «Огонек» единодушно высказывают пожелание создать такой орган в масштабе области, республики, а может быть, и всей страны. Он мог бы оказать действенную помощь садоводам в агротехнической, пожарной, санитарно-гигиенической и прочих областях. Он мог бы представлять их интересы в государственных и общественных организациях. И снова читатели ставят вопрос: не пора ли уравнять в правах садоводческие коллективы и садово-дачные кооперативы? Приведенные мною строки из проекта ЦК КПСС к XXV съезду партии обязывают по-новому, с учетом требований времени отнестись к заботам коллективного садоводства.

И. БЕРЕЗИН,
председатель правления
садоводческого коллектива
«Советский художник»

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

ШАХМАТЫ НАС

Наш обзор о шахматном годе 1975-м начинаем с шахматисток, и не потому, что это был Год женщины, и не только из элементарной вежливости, а потому, что они этого заслуживают.

Матч на первенство мира Нона Гаприндашвили — Нана Александрия стал весьма приятным спортивным событием для шахматной Грузии, родины как чемпионки мира, так и претендентки. Интерес к матчу был огромный, потому что обе ведущие шахматистки играли прекрасно. Александрия вела спортивную борьбу мужественно, однако ничего не смогла поделать. Играть в шахматы с Ноной — дело безнадежное. Чемпионка мира относительно легко защитила свой титул.

Возможно, что кое-кому из мужчин не понравилось, когда чемпионке мира присвоили титул гроссмейстера. Как, женщина — и гроссмейстер? Признаюсь честно: в первый момент это решение и меня удивило. Однако если чуть-чуть подумать, то надо признать, что решение это совершенно правильное и заслуженное. Присвоение Ноне Гаприндашвили звания гроссмейстера подчеркивает, что она шахматистка экстра-класса.

Нона Гаприндашвили — первая шахматистка в истории, которой присвоен титул гроссмейстера. А когда может появиться второй гроссмейстер? Для этого надо два раза стать претенденткой или, что еще труднее, победить в матче чемпионку мира. Возможно ли это? По-моему, Гаприндашвили победить невозможно. Может быть, у соперниц Ноны появится шанс, когда Нона будет ...бабушкой! А пока мы можем с удовлетворением отметить появление еще одной способной шахматистки. На первенстве страны среди женщин чемпионкой СССР стала москвичка Л. Белавенец, дочка известного мастера Сергея Белавенца, погибшего в начале войны в бою. Отличный успех Людмилы — один из редких случаев, когда можно говорить о наследственности шахматного таланта.

Ну, а что же происходило у мужчин? Как и в прежние два года, год ушедший прошел при полном преимуществе А. Карпова. Популярность чемпиона мира растет с каждым днем. Весь шахматный мир убедился, что Анатолий Карпов в достаточной мере выполнил свое обещание, когда заявил, что будет играющим чемпионом. Он участвовал и, как полагается чемпиону, победил в Югославии, затем в Милане и выступил успешно на Спартакиаде народов СССР в Риге.

Некоторые были удивлены тем, что Карпов (так же, как В. Корчной и Б. Спасский) не играл на чемпионате СССР в Ереване. Понятно, что все хотят видеть Карпова. Но Карпов один, и при всей огромной любви к шахматам он не собирается забывать про университет. Да и здоровье надо научиться беречь смолоду. В 1975 году шахматный мир потерял исключительно популярного гроссмейстера — Пауля Кереса. Ему было всего 59 лет, и он был тренированным спортсменом, но допускал слишком большие шахматные нагрузки. Поэтому ни в коем случае нельзя забывать, что здоровье надо беречь не только в 60 лет, но и в 24 года.

Пока не объявлен лучший шахматист 1975 года. Вероятнее всего, приз Оскара снова будет присужден нашему Карпову. Конкурировать с ним может только Е. Геллер, победитель турнира памяти Ч. Александера в Англии и крупного мемориала А. Алехина в Москве. Правда, в Ереване у Геллера сил уже не хватило.

Превосходные результаты А. Карпова и Е. Геллера показывают, что в шахматы можно отлично играть и в 24 года и в 50.

Одним из основных героев прошлого года, несомненно, является Тигран Петросян. Побеждать в международных турнирах за рубежом, разумеется, приятно, хоть и трудно, но ни в одном турнире победа не достается с таким колоссальным трудом, как в чемпионатах Советского Союза. 46 лет — это и мало и много для гроссмейстера. Если считать, что много, то большая победа Петросяна в Ереване особенно ценна тем, что он достиг своего блестящего успеха в борьбе с шахматистами разных поколений и прежде всего с очень сильной шахматной молодежью.

Битва между стариками и молодыми вызвала в Ереване огромный интерес. Большой зал филармонии всегда был переполнен. Когда Т. Петросяну вручили четвертую золотую медаль, овации в адрес нового чемпиона СССР напомнили ему восторженные приветствия в дни его великого торжества на матчах на первенство мира.

С большим удовольствием будут вспоминать 1975 год Ю. Балашов, Б. Гулько, В. Цешковский. Эта тройка прекрасно выступила на зональном турнире в Вильнюсе и завоевала право участия в межзональном турнире. Кстати, о Вильнюсе. Там очень плохо выступали два шахматиста: Р. Ваганян и особенно О. Романишин. Когда шахматист старшего возраста терпит неудачу, он, конечно, расстраивается. Ему иногда даже кажется, что на этом неуспехе свет кончается. Совсем другое дело, когда шахматисту 23—24 года, как Романишину и Ваганяну.

Молодая тройка — Р. Ваганян, Б. Гулько и О. Романишин — была в Ереване самой результативной — по 7 побед. Приводим образцы творчества этих трех выдающихся шахматистов.

●

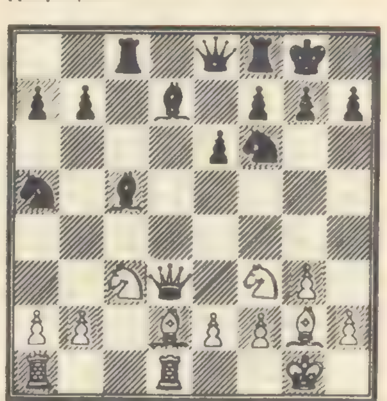
Рафаэль Ваганян по стилю игры очень своеобразный мастер. Не вдаваясь в подробности, мы бы сказали, что Рафик, как его зовут, настоящий шахматный бриллиант, правда, еще не совсем отшлифованный. Ваганян очень опасный тактик.

Р. Ваганян — М. Дворецкий

Каталонское начало.

1. Кg1 — f3 Кg8 — f6 2. c2 — c4 e7 — e6 3. g2 — g3 d7 — d5 4. Сf1 — g2 d5 : c4 5. Фd1 — a4 + Сс8 — d7 6. Фа4 : c4 Кb8 — c6 7. 0 — 0 Сf8 — e7 8. d2 — d4 Ла8 — c8 9. Сс1 — d2 0 — 0 10. Лf1 — d1 Фd8 — e8 11. Кb1 — c3 Кс6 — a5 12. Фс4 — d3 c7 — c5 13. d4 : c5 Се7 : c5

Дворецкий

Ваганян

Фигуры черных, особенно конь на a5 и ферзь на e8, расположены не очень гармонично. Чувствуется, что в дебюте Дворецкий чем-то «провинился». И следующим энергичным и неожиданным ходом Ваганян это доказывает.

14. b2 — b4! Сс5:b4 15. Кс3 — e4. Сd7 — b5

Если 15... С : d2, то 16. К : f6 + gf 17. Ф:d2, и черные теряют фигуру.

16. Фd3 — b1 Сb4:d2.

Или 16... К : e4 17. С : b4 Кс3 18. С : c3 Л : c3 19. Фb4 (или сначала еще 19. Кg5), и белые выигрывают. Как видно, Ваганян точно рассчитывал все варианты, когда сыграл 14. b4!

17. Кe4 — d6 Фe8 — e7

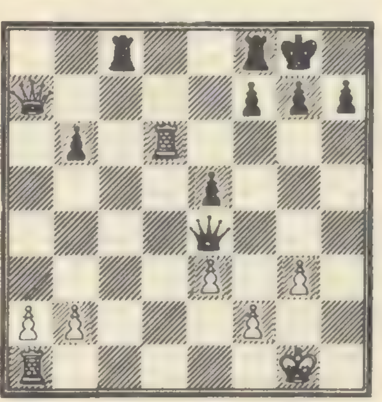
Не помогает и 17... Фc6 18. К : b5 Сc3 19. Лc1.

18. Кd6 : c8 Лf8 : c8 19. Фb1 : b5 Фe7 — b4 20. Фb5 — d3 Сd2 — h6 21. Лa1 — b1 Фb4 — e7 22. Кf3 — e5 ... Остальное неинтересное. Через несколько ходов черные сдались.

●

Борис Гулько очень солидный шахматист. Теорию знает отлично, атакует хорошо, когда его «обижают», умеет ответить контрударом. Он прекрасно владеет и позиционной игрой. Посмотрите, как убедительно он реализовал свое преимущество в партии с И. Дорфманом на чемпионате СССР в Ереване. Там Б. Гулько попрощался с титулом мастера: теперь он гроссмейстер.

Гулько

Дорфман

23... h7 — h5! 24. Фa7 — e7 Лf8 — e8 25. Фe7 — g5 Фe4 — f3 26. Лd6 — d2 g7 — g6 27. Фg5 — h4 Крg8 — g7 28. h2 — h3 ...

Потеря темпа. Лучше было 28. Фh1.

28... Лc8 — c3 29. Фh4 — h1 Фf3 — f5 30. Фh1 — h4 Лe8 — c8 31. Крg1 — g2 g6 — g5!

Создает матовую атаку. Нельзя 32. Ф : h5 из-за 32... Лh8.

32. Фh4 — b4 g5 — g4 33. Фb4 — e7 Лc3 — c7 34. Фe7 — h4 Лc7 — c1 35. Лa1 : c1 Лc8 : c1 36. Крg2 — h2. f7 — f6

Этим тихим ходом заканчивается окружение короля белых. Техническую часть Гулько провел превосходно.

37. f2—f4 Фf5—e4 38. Лd2—d7 +

Предсмертный шах!

38... Крg7 —g6

Белые сдались.

●

Олег Романишин в Ереване получил специальный приз за остроумные замыслы, красивые комбинации, смелые атаки.

Несомненно, что львовский шахматист показал самую яркую игру. Романишин не играет, как правило, по старым рецептам. Он уже в дебюте старается внести что-то новое. Вот небольшой пример: во встрече с Т. Петросяном Романишин, играя белыми, после 1. c4 Кf6 2. Кc3 e6 3. Кf3 b6 4. e4 Сb7, удивил Петросяна ходом 5. Сd3. На первый взгляд ход совершенно нелепый, против всех шахматных законов. Но Петросян потерпел в этой партии единственное поражение.

Олег Романишин всегда стремится играть оригинально, «по Романишину». В атаке у него мертвая хватка.

РАДУЮТ

У молодых раны быстро заживают. После Вильнюса они удивительно легко опомнились, и Ваганян отлично выступал в мемориале Алехина, а в Ереване оба — Ваганян и Романишин — просто свирепствовали. Неудачник Вильнюса О. Романишин чуть-чуть не стал первым. Он из 9 встреч с гроссмейстерами набрал 6,5 очка! Если посмотреть на турнирную таблицу ереванского чемпионата, то бросается в глаза, что львовский мастер победил Т. Петросяна, Е. Геллера, Л. Полугаевского. Поэтому не будет преувеличением сказать, что у львовянина Олега Романишина такой же меткий удар, как у киевского форварда Олега Блохина.

Нас радует прекрасный результат В. Чехова, чемпиона мира среди юношей. Теперь никто не скажет, что у нас неблагополучно с молодыми талантами. Они есть, и в достаточном количестве.

В этом обзоре мы рассказываем о наших лучших шахматистах. Но каждый любитель шахмат хочет знать, что делает Роберт Фишер. К сожалению, точного ответа на этот вопрос никто дать не может. Разговоров, слухов вокруг экс-чемпиона мира много, но точной информации нет. Я был в Голландии, когда в апрельские дни 1975 года Р. Фишер так и не сказал ни «да», ни «нет» и президент ФИДЕ М. Эйве провозгласил А. Карпова чемпионом мира. Как реагировали на это американская федерация, американская печать и лично Р. Фишер? Никак! Абсолютное молчание. Затем появились слухи, что Фишер собирается играть матч с бразильским гроссмейстером Э. Мекингом, но после этого ничего не изменилось. Фишер по-прежнему ни разу не занимал место за шахматным столиком.

Р. Фишера, согласно иностранной печати, видел югославский гроссмейстер С. Глигорич, но никто не видел Фишера за игрой в шахматы. Сколько раз я ни беседовал по телефону с М. Эйве (последний раз на Новый год), всегда задавал ему все тот же вопрос: «Что слышно о Бобби?» Президент ФИДЕ отвечает только одним словом: «Ничего». Если Р. Фишер уже почти три с половиной года как отошел от шахмат, то невольно возникают вопросы: может быть, что-то с ним неладно? Может быть, он нездоров? У любителей шахмат может быть лишь одно пожелание: видеть Фишера за шахматной доской...

Советским шахматистам в новом году не надо отыгрываться, им надо только удерживать завоеванные позиции. Есть все основания рассчитывать, что они их удержат!

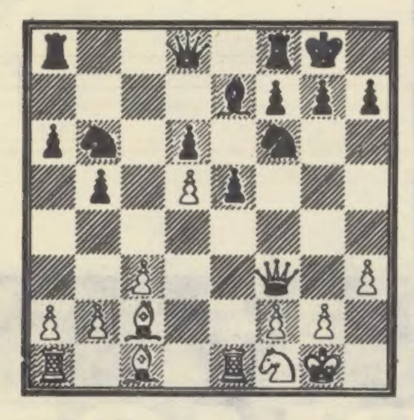
Вот как победил Романишин самого Геллера!

О. Романишин — Е. Геллер

Испанская партия.

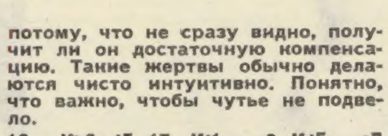
1. e2 — e4 e7 — e5 2. Кg1 — f3 Кb8 — c6 3. Сf1 — b5 a7 — a6 4. Сb5 — a4 Кg8 — f6 5. 0 — 0 Сf8 — e7 6. Лf1 — e1 b7 — b5 7. Сa4 — b3 0 — 0 8. d2 — d4 d7 — d6 9. c2 — c3 Сc8 — g4 10. d4 — d5 Кc6 — a5 11. Сb3 — c2 c7 — c6 12. h2 — h3 Сg4 : f3 13. Фd1 : f3 c6 : d5 14. e4 : d5 Кa5 — c4 15. Кb1 — d2 Кc4 — b6 16. Кd2 — f1! ...

Геллер

Романишин

Таков шахматный почерк Романишина! Он не защищает пешку d5, он щедро ее жертвует. Щедро

потому, что не сразу видно, получит ли он достаточную компенсацию. Такие жертвы обычно делаются чисто интуитивно. Понятно, что важно, чтобы чутье не подвело.

16... Кb6 : d5 17. Кf1 — g3 Кd5 — c7 18. a2 — a4 b5 : a4 19. Сc2: a4 Лa8 — b8 20. b2 — b4 ...

Правильно Романишин оценил позицию, когда отдал пешку? Правильно. У белых два слона и хорошая фигурная игра.

20... Кf6 — e8 21. Сc1 — e3 Кc7 — b5 22. Сa4 — c2 Лb8 — c8 23. Лa1 : a6 Лc8 : c3 24. Лa6 — a8 Фd8 — c7 25. Фf3 — d5 Кe8 — f6

Защищающаяся сторона обычно скорее допускает ошибку, чем атакующая. Лучше было бы 25... Кd4. 26. Лa8 : f8 + Сe7 : f8

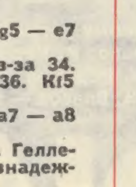
После 26... Кр : f8 27. Ф : b5 Л : c2 28. Лa1 инициатива белых продолжается.

27. Сc2 : h7 + Крg8 : h7 28. Фd5 : b5 Крh7 — g8 29. Лe1 — a1 d6 — d5 30. Лa1 — a7 Фc7 — c4 31. Фb5 — b8 d5 — d4

Начинается напряженный, драматический финал: Романишин атакует, но у Геллера также появился свой козырь — пешка «d». Кто раньше?

32. Сe3 — g5 Кf6 — h7 33. Сg5 — e7 d4 — d3

Не спасает уже 33... Фc8 из-за 34. Ф : e5 d3 35. С : f8 К : f8 36. Кf5 и т. д.

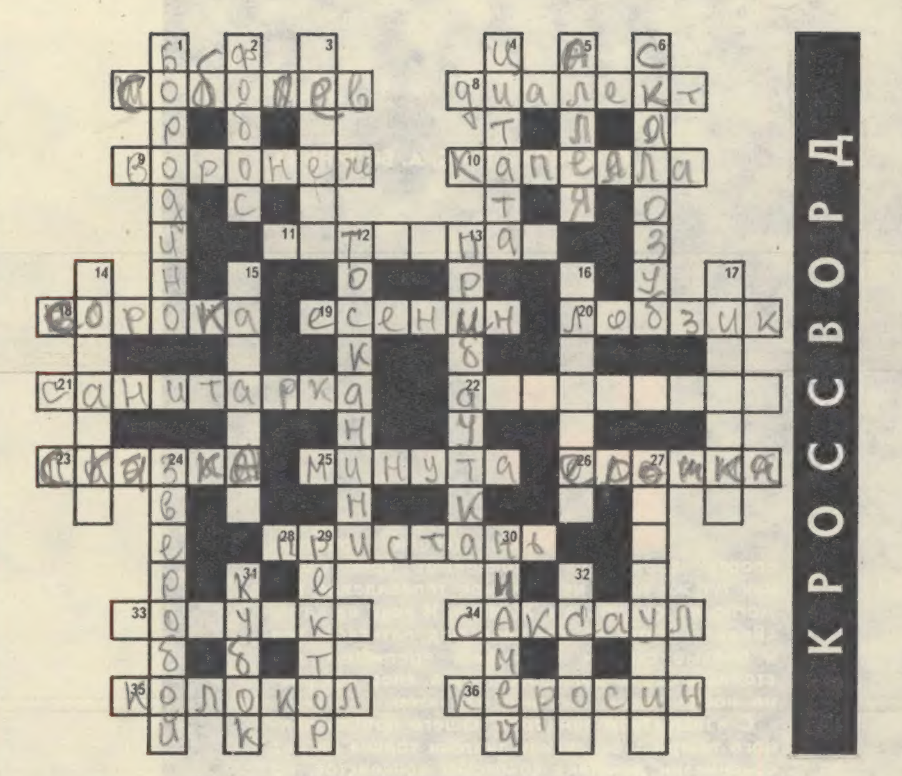

34. Сe7 : f8 Кh7 : f8 35. Лa7 — a8 d3 — d2

Далеко продвинулась пешка Геллера, но дела его короля безнадежны...

36. Фb8 : f8+ Крg8—h7 37. Фf8—h8+ Крh7 — g6 38. Фh8 — h5 + Крg6 — f6 39. Фh5 — f5 + Черные сдались.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Советский писатель. 8. Местное наречие, говор. 9. Областной центр в РСФСР. 10. Хор певчих. 11. Прибор для проверки горизонтальных плоскостей. 18. Птица семейства вороновых. 19. Советский поэт. 20. Ручной инструмент для выпиливания. 21. Работница медицинского учреждения. 22. Русский этнограф, собиратель и исследователь фольклора. 23. Литературный жанр. 25. Промежуток времени. 26. Персонаж повести Л. Н. Толстого «Казаки». 28. Сооружение для причаливания и стоянки судов. 33. Балет С. С. Прокофьева. 34. Дерево или кустарник среднеазиатских пустынь. 35. Газета, издававшаяся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. 36. Горючая жидкость.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 2. Спутник планеты Марс. 3. Цветок. 4. Выдержка из текста. 5. Дорожка в парке, саду. 6. Действующее лицо комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». 12. Итальянский дирижер. 13. Шутливое выражение. 14. Южный мыс Камчатки. 15. Старинный экипаж. 16. Французский композитор. 17. Картина И. С. Остроухова. 24. Роман Ф. Купера. 27. Русский скульптор, автор памятника А. С. Пушкину в Москве. 29. Руководитель высшего учебного заведения. 30. Столица Республики Нигер. 31. Спортивный приз. 32. Приток Северского Донца.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 7. «Либерал». 8. Кадриль. 10. Монисто. 11. Канцона. 12. Лахти. 13. Анонс. 15. «Гаянэ». 16. Луалаба. 18. Верблюд. 20. Гайка. 21. «Набег». 22. Кокос. 24. «Русалка». 26. Иноходь. 28. Теорема. 29. Водолей.

По вертикали: 1. Спиннинг. 2. Глагол. 3. Бианки. 4. Валторна. 5. Кекс. 6. Крон. 9. Кюхельбекер. 14. Слива. 15. Гайдн. 17. Максвелл. 19. Веронезе. 22. «Кармен». 23. «Симона». 25. Лира. 27. Озон.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Н. Крамской. ПОРТРЕТ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА. 1879 г.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В таких красивых уютных домах отдыхают строители Камчатки. ● Жители Камчатки круглый год получают свежие овощи, выращенные в парниках и теплицах. ● Закат над рейдом. ● Студентка педагогического училища корячка Софья Ким. ● Тем, кто купается в горячих целебных источниках Паратунки, морозы нипочем. ● На просторах камчатской тундры пасутся около 200 тысяч оленей.

Фото Льва Гурского
(На фотоконкурс, гор. Петропавловск-Камчатский)

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 5/I — 1976 г. А 00607. Подп. к печ. 20/I — 1976 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 224. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 1615.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Фото ЮПИ—ТАСС, А. БОЧИНИНА

Не успели любители спорта «вернуться» с хоккейных арен США, как тут же наше неутомимое телевидение помогло им оказаться в Женеве. И хоть на катке «Верне» борта не трещали под натиском тел и боевые схватки сменились зрелищем, достойным сцены Большого театра, спор все равно носил очень азартный характер.

С изяществом танцоров нашего прославленного театра заокеанские знатоки хоккея не раз сравнивали действия советских хоккеистов, но швейцарские поклонники фигурного катания имели, конечно, значительно больше оснований для таких параллелей. В течение недели мы смогли наслаждаться выступлением сильнейших фигуристов Европы, и это зрелище еще больше волновало нас, потому что являлось решающей прикидкой сил перед началом Олимпийских игр. Всех интересовали не только призовые медали чемпионата в Женеве, но и тот класс, который смогут показать фигуристы в ближайшем будущем на катке в Инсбруке.

Теперь, после завершившего чемпионат выступления фигуристок-одиночниц, мы можем подвести итоги. Советские спортсмены завоевали шесть медалей из двенадцати возможных, и притом в удивительно гармоничном сочетании — две золотых, две серебряных и две бронзовых.

Советские одиночницы на прошлогоднем чемпионате Европы не попали в десятку лучших, и поэтому наша команда могла выставить в одиночном катании всего лишь одну фигуристку. Предпочтение было отдано двенадцатилетней Лене Водорезовой, и руководство команды не обманулось в своем выборе. Конечно, смешно было бы предполагать, что девочка, только начинающая свой спортивный путь, сразу доберется до пьедестала почета, но Лена выступила отлично. Занимая после обязательной программы шестнадцатое место, после короткой — девятое, юная фигуристка в конце концов оказалась восьмой среди двадцати трех участниц. Результат Лены позволит в будущем году на чемпионате Европы выступить двум фигуристкам СССР.

Все основания имел Владимир Ковалев — чемпион Европы 1975 года — для того, чтобы снова завоевать золотую медаль. После обязательной и короткой программ Ковалев лидировал, но произвольную программу отлично откатал англичанин Джон Карри и завоевал первенство. У Ковалева второе место.

Как и следовало ожидать, триумфальный успех ждал наших фигуристов в парном катании и в танцах на льду. Ирина Роднина и Александр Зайцев оказались недосягаемыми для фигуристов из ГДР Р. Кермер и Р. Эстеррайх, а третью ступеньку пьедестала почета заняли дебютанты европейского чемпионата И. Воробьева и А. Власов.

При нынешнем развитии фигурного катания не так уж часто можно увидеть на пьедестале почета два дуэта из одной страны. После окончания соревнования танцоров на пьедестал почета поднялись три советских дуэта. Л. Пахомова и А. Горшков снова оказались сильнейшими, второе место заняли И. Моисеева и А. Миненков, а на третьей ступеньке устроились Н. Линичук и Г. Карпоносов.

Потухли телевизионные экраны, фигуристы разъехались по домам, но скоро мы снова встретимся с ними, на сей раз на олимпийском льду в Инсбруке.

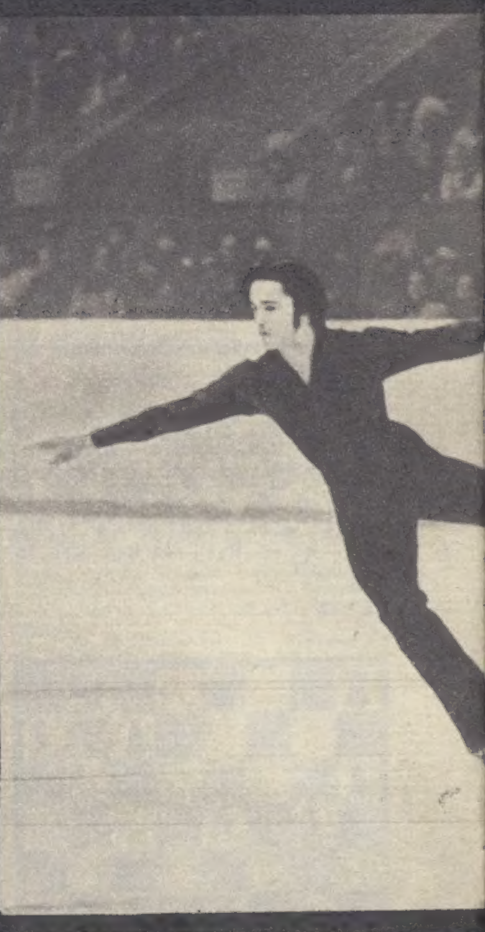
Женева. Чемпионат Европы. На пьедестале почета все места наши. Слева направо: И. Моисеева и А. Миненков — второе место; Л. Пахомова и А. Горшков—победители; Н. Линичук и Г. Карпоносов — третье место.

Чемпион Европы в одиночном катании английский фигурист Д. Карри.

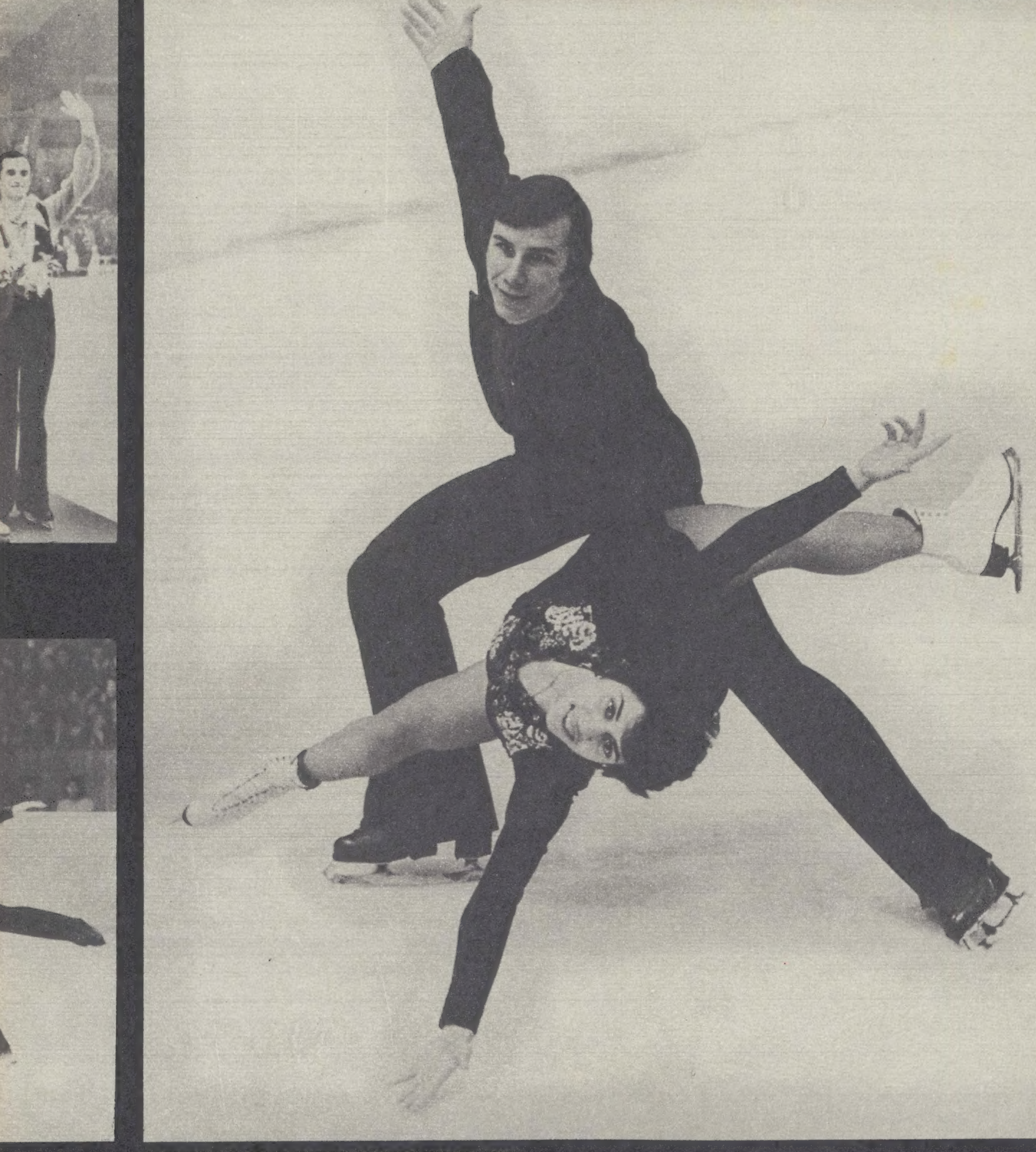

Призеры по парному катанию на женевском катке «Верне». Слева направо: Р. Кермер и Р. Эстеррайх (ГДР) — второе место; И. Роднина и А. Зайцев — первое место; И. Воробьева и А. Власов — третье место.

Серебряный призер в одиночном катании В. Ковалев.

ФИГУРИСТ

И. Роднина и А. Зайцев одержали в Женеве еще одну победу.

...Ы НА ВЫСОТЕ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663